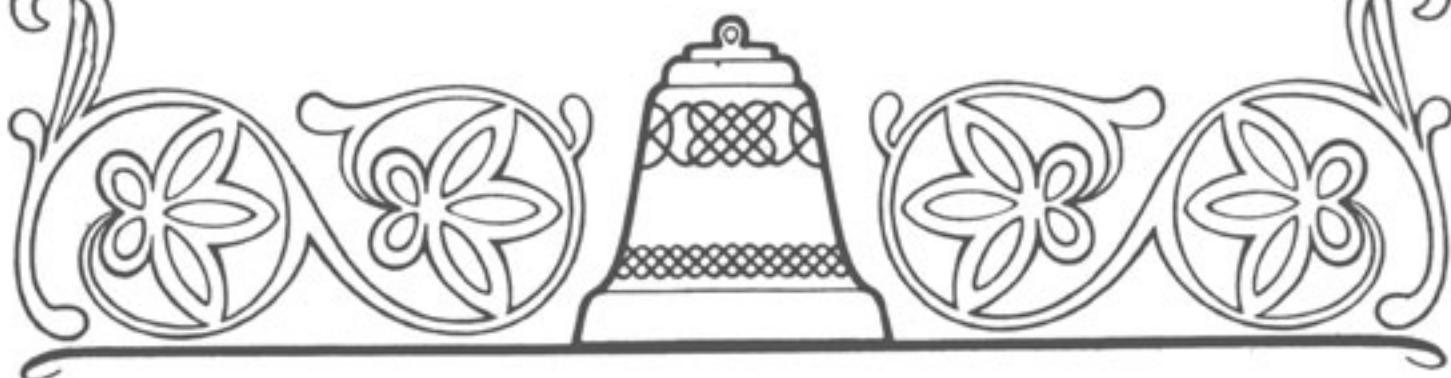

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

РОВЕСНИК РУССКОЙ ИСТОРИИ

нервое, что поражает в Новгороде, когда, приехав в него, выходишь к полноводному и быстрому Волхову, — ощущение огромности окружающего его пространства. Из центра города, от подножия древнего кремля, видна далекая бескрайняя равнина, виден как бы двинувшийся по горизонту величественный хоровод белых церквей и монастырей, блестит, сливаясь с высоким небом, озеро Ильмень. В нем, как в море, не видно противоположного берега. Небо кажется особенно большим; облака не плывут — они тонут и растворяются в его опрокинутой над городом морской голубизне. Ветер в Новгороде кажется особенно пронзительным, резким и... морским. Да, морским! Ведь Новгород целое тысячелетие был портом четырех морей. Низкий, свободно и властно распростертый среди великой русской равнины, среди полноводных рек и озер, Новгород был открыт для кораблей Черного моря и Балтийского, Белого и Каспийского. Никакие возвышенности не мешали ветрам свободно наполнять паруса тысяч и тысяч кораблей Новгорода и окружающих его далеких стран.

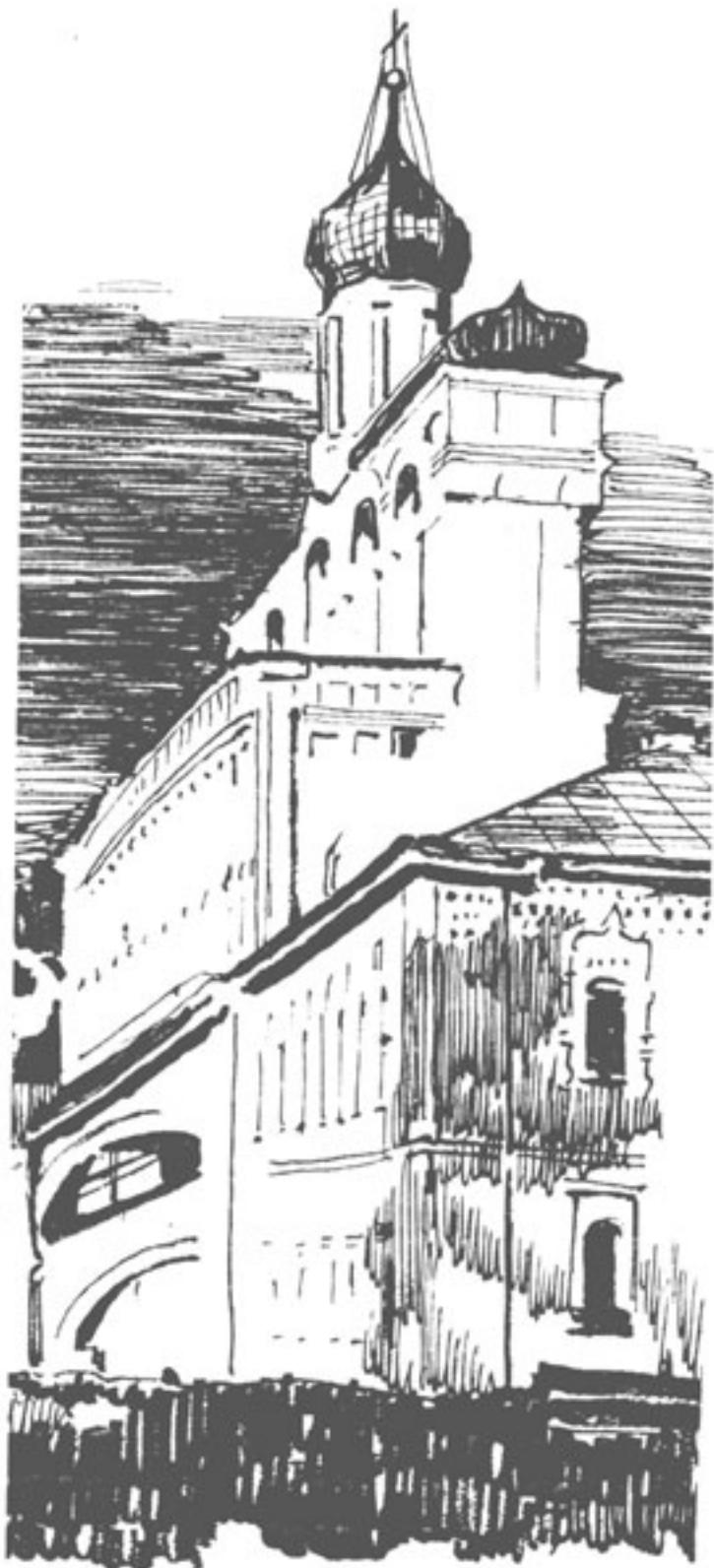
«Господин Великий Новгород» — так звалась эта огромная русская республика, власть в которой принадлежала мощной феодальной аристократии и купечеству. Даже Венеция и Генуя не имели таких далеких торговых связей. Новгород стоял на великом торговом пути «из варяг в греки» — из Скандинавии в Византию. Этот путь соединял обширный район Балтийского моря с древними культурными центрами Средиземноморья. Самый большой город средневековой Европы — Константинополь был в тесном общении с Новгородом. И это общение было не только торговым, но и культурным. В Константинополе работали новгородцы — переводчики и переписчики рукописей. Там была целая улица, заселенная русскими. В Новгороде в XIV в. составлялись своеобразные путеводители по достопримечательностям Константинополя, — не только по его «святыням», но и по вполне светским памятникам. Из этих путеводителей видно, что новгородцы

умели ценить искусство Византии — ее живопись, скульптуру, зодчество, ремесла. Новгородцы возмущались варварством крестоносцев, разбивших и попортивших в XIII в. многие произведения византийского и античного искусства. Характерно, кстати, что самое обстоятельное описание захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. было сделано жившим там новгородцем. С другой стороны, в Новгород приезжали византийские художники, и из них самый великий — Феофан Грек, фрески которого и до сих пор украшают прекрасный храм Спаса на Ильине улице 1374 г.

Куда только не ездили новгородцы и кого только не было в Новгороде! Новгородские летописи сообщают под 1130 г. о катастрофе новгородских кораблей у берегов Дании. О торговле Новгорода неоднократно совещались между собой ганзейские

города. Новгородская торговля достигала Фландрии и Франции, интенсивно велась с Любеком и скандинавскими городами. Новгородских художников приглашали расписывать церкви на острове Висби. Через Владимиро-Суздальскую землю и Астрахань Новгород был связан с Арабским Востоком, с Персией и Закавказьем. На северо-востоке новгородцы постепенно заселили бассейны Онежского и Белого озер. Они вышли к Белому морю и Ледовитому океану, переваливали через Урал и спускались по Волге.

Новгородская церковь Параскевы Пятницы объединяла вокруг себя новгородских купцов, ведших заморскую торговлю. В самом Новгороде стояла «варяжская божница» (церковь), был Готский двор и Гаральдов вымоль, где приставали иностранные корабли. Церковь Спаса на Ковалеве (1380 г.) расписывала артель сербских мастеров. Новгород был наполнен произведениями европейского искусства. Антоний Римлянин привез в Новгород в самом начале XII в. за-

мечательные лиможские эмали. Произведения искусства ввозились в Новгород из Византии, Скандинавии, с Кавказа и из Средней Азии. Влияние кавказских мастеров ощущается в фресках Нередицы (конец XII в.). С учетом строительных традиций Запада строились в Новгороде в XV в. Грановитая палата и Евфимиевская часовня.

Разноязычная речь художников Европы не заглушила самобытности языка новгородского искусства. Напротив! Новгородское искусство, воспитанное в атмосфере свободного соревнования с европейскими художественными школами, — одно из самых национально-русских и одно из самых своеобразных. Не случайно у коллекционеров всего мира до сих пор сохраняется стремление каждую хорошую русскую икону объявлять «новгородской» — так высока репутация новгородского искусства. Но новгородских икон и так достаточно. Эти посланцы Новгорода украшают собой музеи далеко за пределами Новгорода — в Третьяковской галерее в Москве, в Русском музее в Ленинграде, в Национальном музее в Стокгольме, в Национальном музее в Осло, в Картичной галерее в Бергене, в пинакотеке Ватикана, в коллекции Думбартон Окс в Вашингтоне, в специальном музее русских икон в Реклингаузене (ФРГ) и т. д.

Новгородские храмы лаконичны по своим формам. Это искусство простых объемов и больших плоскостей. Ничего лишнего, все сделано просто, деловито и быстро. Именно быстро! В Новгороде были церкви (и каменные, и деревянные), построенные за один день, — от основания и до креста. Их так и называли «обыденные», т. е. однодневные. Одна из таких церквей — церковь Андрея Стратилата, построенная в один день, 19 августа, в XIV в. (точно год ее построения неизвестен), стоит и до сих пор. Другие церкви строились обычно за летний сезон.

Находки сотен берестяных грамот показали, что грамотность в Новгороде была широко распространена. Грамотные были и среди ремесленников, и среди крестьян. Грамотными были не только мужчины, но и женщины. Письменность применялась в самых разнообразных случаях. Найдены частные письма, денежные расчеты, списки феодальных повинностей, завещания, различные записи и даже детские ученические упражнения. С 1951 г., когда впервые стали искать и находить берестяные грамоты, открылось как бы окно в древний Новгород, позволившее подсмотреть обыденную, заурядную, каждодневную жизнь Новгорода, узнать заботы его простых людей. И какие замечательные оказались эти люди! Как трогают нас горе вдовы, просящей своих родных «попечаловать» с ней о потере мужа, или жалоба крестьянина своему господину на тяжесть податей: половина волости запустела, пишет он, а те, кто еще остались, уходить хотят: «жалости к себе хотят, господин, жалости, чтобы ты, господин, подати убавил». А мальчик Онфим рисует воинов на конях, мечтая о ратных подвигах.

Новгородцы умели отстаивать свои права на вечевых собраниях, созываемых по звуку вечевого колокола на Ярославовом дворище. Они умели оградить себя от опасности тирании, выселив князей за пределы боевых стен своего города на Рюриково Городище, ограничив их власть только военным руководством. Они умели оберегать памятники своего прошлого. Характерный эпизод разыгрался в Новгороде в 1649 г., когда был прислан сюда на митрополичью кафедру будущий патриарх Никон — натура властная и нетерпимая. Он захотел расширить Софийский собор, сломав в нем несколько столбов. Новгородцы решительно не допустили переделок. Градостроительная дисциплина в Новгороде была так велика, что в течение девятисот лет ни одно здание в Новгороде не строилось выше и больше центрального палладиума города и государства — собора Софии, хотя вне пределов города были здания и выше, и больше.

От Софии, как от центра Новгорода и Новгородского государства, расходились его концы — районы Новгорода, которым в свою очередь подчинялись его бескрайние владения — пятини. Каждому концу была подчинена своя пятина, четыре из которых начинались тут же у стен города от своего городского конца. Стоя в Софии, новгородец ощущал себя в политическом центре обширнейшего государства, простиравшегося от Урала на востоке до Пскова и его «пригородов» (подчиненных городов) на западе. Стоя в Софии и подняв голову, он видел над собой в куполе грозный облик Вседержителя, державшего, согласно легенде, в своей сжатой руке судьбу Новгорода. Стоя в Софии, новгородец видел перед собой могущество своего государства: он видел Сигтунские врата, вывезенные как военный трофей из шведского города Сигтуна, он видел константинопольские и корсунские иконы, гробницы новгородских князей. В храме находились богатейшая новгородская казна и библиотека. В нем собиралось

софийское вече, происходили выборы главы новгородского Совета господ — верховной власти города.

Величественные формы храма отличались непривычной для западноевропейских путешественников простотой и лаконизмом. Новгородец отличался деловитостью и высокой гражданской культурой. Недалеко от Софии совершался владычный суд перед фрецкой, на которой был изображен Христос с раскрытым Евангелием; на раскрытом развороте страниц было написано мудрое обращение к судьям, свидетельствующее о высоком чувстве гражданской ответственности: «Суд судите, им же судом судите — судится и вам. Не на лица зряще судите, сынове».

Новгородцы называли свое государство «Господин Великий Новгород», подчеркивая этим, что сам город, а не кто-либо из лиц — глава своего государства.

Не случайно именно в Новгороде был поставлен памятник тысячелетию России. Это один из самых старых русских городов. Впервые Новгород упомянут в летописи под 859 годом. Это упоминание знаменательно. В нем говорится, что в лето 859 года восстали словене, иначе говоря, новгородцы, и меря, и кривичи на варягов и изгнали их за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть и города ставить. Следовательно, уже на заре своего образования Русское государство выступает как государство многонациональное, в союзе всех населяющих его народов, борющееся за свою независимость. К этой летописной записи может быть добавлен еще один характерный штрих: древнейший памятник карельского языка найден в Новгороде. Берестяная грамота № 292, написанная на карельском языке, относится к XIII в. Она на шестьсот лет старше всех известных текстов, написанных на карельском языке. И при этом написана она русскими буквами! И этот город, такой дружественный ко всем народностям, связанный тысячами нитей с культурами окружающих его стран, подвергся ужасающему разрушению во время второй мировой войны.

Когда вскоре после его освобождения я попал в Новгород, над ним стояла оглушительная тишина. Мертвая тишина заткнула мне уши. Мне казалось, что я не только оглох, но и ослеп. Я не видел привычного мне города. Под трагически большим небом была равнина, поросшая высокой травой. Кладбище без могил! Изредка тут и там торчали редкие остатки старых церквей. Толстые стены их были сплошь изранены, но они выдержали, устояли. Не выстояли только церкви и монастыри, широким кольцом окружавшие Новгород, — они полегли на поле брани. Волотово, Ковалево, Сковородка — сколько названий, известных каждому искусствоведу! Все они погибли!

Первыми вернулись в Новгород музейные работники. И вот началась борьба со смертью. Искусствоведы, реставраторы всех специальностей принялись за спасение и восстановление разрушенного. Новгород стал грандиозным военным госпиталем, в ко-

тором врачи-реставраторы залечивали раны воевавшему за мир во всем мире древнему русскому искусству.

И вот сейчас тысячи и тысячи туристов со всех концов Советского Союза и из-за рубежа приезжают в Новгород, чтобы посмотреть его памятники и полюбоваться историческим ландшафтом города, пройтись по его земляным валам, выехать на Ильмень и посмотреть оттуда на город, посетить Нередицу и Липну, побывать в Антониевом и Юрьевом монастырях начала XII в., полюбоваться фресками Феофана Грека в церкви Спаса на Ильине, посмотреть русские росписи церкви Федора Стратилата и церкви Рождества на Кладбище, посетить Музей с его богатейшей коллекцией новгородских икон. Это город-лекторий, город, в котором учатся русской истории, учатся понимать русское искусство, учатся патриотизму. Не случайно поэтому жители города и все советские граждане так горячо и близко к сердцу принимают все вопросы, связанные с охраной его памятников и сохранением исторического ландшафта города.

Ветер, который постоянно дует в Новгороде с Ильменя, резкий, «морской» ветер, — это ветер русской истории.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ — СТРОИТЕЛЬ

Современный Новгород вырос из Новгорода древнего. Он органически соединяет в себе новое и старое, продолжает и углубляет все лучшее, что было в Новгороде Великом, — в архитектуре и искусстве его, ибо социалистическая культура включает в себя животворные традиции национальной культуры народа, поддерживает и развивает их. В. И. Ленин отмечал: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹. Подчеркивая ту же мысль, В. И. Ленин указывал на поучительный пример формирования марксизма, который «...отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»².

Современный Новгород — это не только крупный промышленный центр, не только красивейший город с новыми благоустроеными зданиями и удобной планировкой улиц, — город, в котором находятся превосходный театр, свой телевизионный центр, один из лучших педагогических институтов нашей страны, многочисленные школы, — но это также город-музей, т. е. город, в котором кипит оживленнейшая историческая, археологическая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

² Там же, т. 41, с. 337.

и искусствоведческая работа, где в течение последних лет ведутся самые крупные в Европе археологические раскопки, куда съезжаются для научной работы сотни историков, археологов, лингвистов и литературоведов, где художники и искусствоведы постигают произведения древнего мастерства.

Прославленную древнюю новгородскую живопись можно найти в музеях Москвы и Ленинграда, Парижа, Вашингтона, Нью-Йорка и Стокгольма. Но лучшие ее собрания находятся в самом Новгороде. И все эти сокровища не только бережно хранятся, но и глубоко изучаются.

Тысячи советских туристов приезжают в Новгород, и это понятно: знание прошлого своей Родины и гордость тем огромным вкладом, который был внесен русским народом в общечеловеческую культуру, являются показателем высокого духовного уровня наших современников, их подлинного патриотизма. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал Пушкин.

В XII в. Новгород был окружен земляным валом, поверх которого шла деревянная стена. Впереди вала находился ров. На значительном расстоянии от Новгорода, опоясывая его, шло кольцо монастырей-форпостов. Укрепления двух самых значительных из них — Антониева и Юрьева — с пристроенными к их соборам сторожевыми башнями — вежами запирали с двух сторон подступы к Новгороду по Волхову.

Городское благоустройство Новгорода оставляло позади себя многие города Западной Европы. Уже в XI в. в Новгороде мостили улицы. На горожанах Новгорода лежали издельные повинности по ремонту Волховского моста и по мощению всего Новгорода — по «уставу Ярослава о мостах». Между тем главная улица Парижа была впервые замощена в 1184 г. В Западной Европе вообще первые мостовые появляются лишь в конце XII в. Мостовые Новгорода были деревянными и хорошо сохранились до нашего времени под толстым пластом нарощенного над ними «жилого слоя». Улицы Новгорода были узки, но извилистая форма, типичная для средневекового города, не была преобладающей в Новгороде. Вдоль улиц были проложены желоба и трубы для сточных вод. Ярославово дварище имело первый в Северной Европе водопровод, по которому в деревянных трубах бежала чистая ключевая вода.

Общественные здания были немногочисленны в Новгороде. Главными общественными зданиями служили церкви. В центральном храме города — Софии принимались послы, хранилась богатая казна. На площади у Софии собиралось софийское вече.

* * *

Произведения новгородского деревянного зодчества, по-видимому имевшие наиболее национальные формы, известны нам только по упоминаниям в летописи. В 989 г. первый новгород-

ский епископ Иоаким Корсунянин, присланный в Новгород Владимиром Святославичем для обращения в христианство местного населения, поставил в конце главной улицы Пискупли дубовый храм Софии — Премудрости божией. По упоминанию в летописи о том, что этот храм был «о 13 верхах», можно предполагать, что он имел типичное для русских деревянных построек пышное завершение.

В 1045 г. невдалеке от деревянной Софии, уничтоженной позднее, в 1049 г., пожаром, новгородский князь Владимир Ярославич заложил каменную церковь Софии, ставшую впоследствии главной святыней Новгорода, символом новгородской независимости, средоточием его государственной жизни, хранительницей его богатейшей казны.

Уже в этом первом каменном храме Новгорода воплотились те художественные принципы, которые стали определяющими во всем последующем зодчестве Новгорода, всегда стремившемся к простоте, ясности форм. В противоположность утонченной роскоши соборов Киева или церкви Спаса в Чернигове София новгородская впечатляет четкостью своих архитектурных пропорций, монументальностью и монолитностью всего здания.

Это суровый в своем величии храм, поражающий лаконизмом форм и прочно найденными соотношениями частей. Мощные стены почти лишены украшений. Белизна стен (они были белыми уже в XII в.) идеально гармонирует с золотом центральной главы (золотой она была уже в 1408 г.).

Собор представляет собою грандиозное прямоугольное здание с тремя алтарными выступами («апсидами») с востока (впоследствии, с устройством новых приделов, число апсид увеличилось). Своды и арки храма, перекрывающие обширное пространство собора, опираются на массивные столбы. Снаружи этим столбам отвечают массивные же «лопатки» (пилястры), выявляющие внутреннюю структуру здания. Кровля Софии покрыта прямо по сводам; она живописно изгибается и выделяет конструкцию храма. В юго-западном углу собора находится башня с широкой винтовой лестницей на обширные хоры. Над центральной частью собора высится пять куполов. Шестой купол венчает собой лестничную башню. С трех сторон собора были устроены открытые галереи, которые уже в XII в. были заложены и превращены в пристройки.

Еще раньше построения Софии Владимир Ярославич поставил каменные стены Детинца (1044 г.) взамен существовавших до того деревянных. Каков был этот первоначальный каменный Детинец, неизвестно, так как современный новгородский кремль относится к значительно более позднему времени. Строительство Владимира Ярославича имело в виду создать сильный архитектурный центр Новгорода. И действительно, построенные при нем Детинец и София стали навсегда центром города, его самой монументальной и характерной частью.

С новым расцветом княжеской власти в Новгороде в начале XII в., при сыне Владимира Мономаха Мстиславе и его внуке Всеволоде, наступает и новый расцвет новгородской архитектуры. Зодчие начала XII в. стремятся уравновесить в городской застройке грандиозные, доминировавшие над городом массы Софии. В 1113 г. на противоположном от Софии берегу, на Ярославовом дворище, Мстислав ставит высокий пятиглавый¹ Николо-Дворищенский собор. Еще через три года (1116 г.) Мстислав строит собор Антониева монастыря на север от городского вала, вниз по течению Волхова, а спустя вновь три года (1119 г.) воздвигается Георгиевский собор Юрьева монастыря — на юг от Новгорода, вверх по течению Волхова, ближе к Ильменю.

Все три собора начала XII в. — Николо-Дворищенский, Антониева монастыря и Георгиевский Юрьева монастыря — выстроены в общих им всем единых архитектурных формах. Горизонтальные ряды ниш и окон, которыми ритмично разбиты стены Георгиевского и Николо-Дворищенского соборов, подчеркивают конструктивную ясность соотношений в общие удлиненные кверху пропорции зданий. Хорошо сохранившееся асимметричное трехглавое здание Георгиевской церкви Юрьева монастыря со стремящимися в высоту мощными стенами является одним из лучших произведений русской архитектуры XII в., далеко отошедшей в Новгороде от византийских прототипов. Имя мастера, ставившего Георгиевский собор, как указывалось, было Петр. Напомним, что ему же, по-видимому, принадлежат и два других собора начала XII в. — Николо-Дворищенский и Антониев.

Соборы Новгорода в начале XII в. были покрыты внутри прекрасной фресковой живописью. Фреска — это письмо водя-

¹ Впоследствии четыре крайние главы собора были снесены, и собор сейчас одноглавый.

ными красками по сырой еще штукатурке. Высыхая, штукатурка (особым образом подготовленная) входит в прочное соединение с краской и создает исключительную по красоте красочную поверхность. Техника фрески восходит еще к античности (наиболее известны фрески в Помпее). К античности же восходят многие приемы фресковой живописи и отчасти ее формы.

Отголоски античной живописи ощущаются во фресках Новгорода. Новгородцы совершенствовали технику фрески, а с другой стороны, менее связанные, чем мастера Византии, с традициями церковного искусства, свободнее воспроизводили античные формы.

Новгородские фрески начала XII в. отличаются монументальностью, уравновешенностью частей, яркостью и контрастностью красок. Их главная тема — человеческие фигуры, спокойно поставленные, обращенные к нам, с глазами, чаще всего прямо устремленными на зрителя, с характерным античным румянцем на щеках, с резко подчеркнутыми, по-античному крупными чертами лица. Ясность и обобщенность композиций позволяют легко обозревать их с большого расстояния. Мастера умело размещали изображения на плоскости стен, учитывая изгибы арок и расстояние, с которого будет обозреваться роспись.

Фрески 1108 г. (некоторые исследователи считают, что купольная роспись сделана уже в середине XI века), находившиеся в куполе Софийского собора, уничтожены фашистами. Сохранились лишь в центральном барабане фигуры пророков 1108 г. Фрагмент фрески середины XI в., изображавший царя Константина и царицу Елену, счастливо сохранен работниками новгородских музеев под толстой кирпичной кладкой, которой они заслонили фреску перед занятием Новгорода фашистскими войсками. Изображение Константина и Елены поражает прозрачной легкостью красок, изяществом движения, которым оживлены их лица. Сохранились и другие фрагменты росписей XI, XII и XV вв.

В высоком подцерковье Николо-Дворищенского собора сохранилась часть росписи, иллюстрировавшей рассказ о страданиях Иова. Жена Иова представлена держащей палку с надетым на конец ее котелком, в котором она подает пищу Иову. Ее изображение поражает строгостью форм. Полуобращенное к зрителю лицо жены Иова спокойно. Складки ее одежды напоминают античные каноны.

Замечательной пластичностью и объемностью форм отличаются остатки фресок 1125 г. в соборе Антониева монастыря. Эти росписи были открыты при ремонте собора в 1898 г. и тогда же испорчены насечками. В 1923, 1927 гг. и частично в мае 1944 г. удалось раскрыть и реставрировать часть фресок в алтарной части и на столбах. Особенно интересна фигура копающего землю юноши (из композиции «Обретение главы Иоанна Крестителя») с полнокровным, румяным лицом, обрамленным мягкими длинными волосами.

В башне Георгиевского собора Юрьева монастыря сохранились остатки фресковой росписи начала XII в., значительно пострадавшие от фашистского нашествия.

С середины XII в. и в течение нескольких столетий в Новгороде все более или менее крупные предприятия по строительству и росписи храмов осуществляются артелями — «дружинами». Эти артели существуют прежде всего при дворе новгородского архиепископа и населяют его «слободы» в окрестностях города и поблизости Детинца. Члены этих артелей носят название «владычных паробков» или «владычных ребят». «Паробки» и «ребята» переписывают священные книги, составляют дружины строителей и иконописцев.

Характерно, что Нередицкую церковь расписывало не менее десяти художников одновременно. Этот способ работ «дружиной» документально засвидетельствован в Новгороде и позднее (после его присоединения к Русскому государству) писцовыми книгами.

Епископ, бояре, купечество, улицы и концы — таковы те новые инициаторы культурных предприятий Новгорода, которые пришли в середине XII в. на смену князю. В XI и первой половине XII в. все памятники новгородской письменности принадлежат князю или его родственникам. С середины же XII в. большинство произведений новгородской письменности — епископского, боярского, купеческого или корпоративного происхождения.

Политический переворот середины XII в. не замедлил сказаться и в искусстве Новгорода. Заметно иные, более «демократические» формы приобретает живопись и в особенности архитектура. Последней княжеской постройкой в пределах городской черты обычного для XI — начала XII в. монументально-торжественного типа следует считать церковь Ивана на Петрятине дворе (на Опоках) 1127 г., которую Всеволод Мстиславич после потери Софии безуспешно пытался сделать новым политическим центром Новгорода.

Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах типа, чем грандиозные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от церквей княжеской постройки с резким разделением молящихся на привилегированных, «избранных», и остальную массу молящихся новые церкви не разделяют молящихся и в этом смысле становятся «демократичнее», обыденнее. Раньше князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещалась вся остальная масса молящихся. Новые же, возводимые со второй половины XII в. церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших, скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Новые церкви возводят совместно уличане (жители улицы), архиепископ, купцы, бояре. Церкви эти объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Первым из храмов нового типа была, видимо, выстроенная в Новгороде в 1156 г. «заморскими купцами» церковь Параскевы Пятницы на Торговище. К этому же типу принадлежат церкви Благовещения в Аркажах (1179 г.), Воскресения на Мячине (1195 г.), Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192 гг.) и т. д.

Новый характер построек настолько прививается, что воспринимается и княжеским строительством. К этому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спаса Нередицы, варварский разрушенная фашистами и ныне реставрированная в прежних формах.

Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора, на Рюриковом Городище, и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в ней был изображен отец Александра Невского новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах с моделью Нередицы в руках, которую он как бы подносил сидящему перед ним Христу. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти его отца в 1246 г.

По сохранности своих фресок Нередица занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья не только в Советском Союзе, но и во всей Европе. Росписи, покрывавшие собою ее стены снизу доверху, слагались в стройную

систему, отражавшую средневековые представления о вселенной. Вместе с тем в росписи Нередицы, даже в ее церковные сюжеты, проникали изображения, отражавшие и патриотические настроения мастеров, расписавших ее, и социальную борьбу своего времени.

Общая схема росписей русских и византийских храмов, так как она сложилась в пору своей наибольшей законченности (XI—XIII вв.), пыталась охватить всю человеческую историю и изобразить всю земную и «небесную» церковь.

Церковное здание в средние века символизировало собою весь мир. Изображения святых и событий истории занимают в ней строго определенные места. Сама ориентация стен средневековых соборов строго по странам света — на восток (алтарь), запад (притвор), юг и север — вела к тому же обострению чувства вселенной.

Высокие части здания — купол и своды — символизировали собою небо. В Нередице купольная композиция изменена сравнительно с византийской: она изображает Вознесение. В белом облаке вокруг купола находилась полуустертая надпись: «вси языцы (т. е. все народы) воспlesslyте руками». Эта надпись явно утверждала равноправие русского народа в делах религии, что отвергали греки, стремившиеся главенствовать над русской церковью. В середине здания, посвященной земной церкви, изображались апостолы, мученики, пророки, святители, преподобные, столпники в строгой символической системе. Здесь же помещались сцены из Евангелия и истории церкви. Изображения с исключительной полнотой всей системы росписи покрывали стены храма сплошь, в том числе и те нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

Небезынтересно отметить, что фрески Нередицы были выполнены всего лишь через десять лет после того, как было создано «Слово о полку Игореве», — когда, следовательно, призывы к единению звучали особенно своевременно (фрески Нередицы — 1199 г., «Слово о полку Игореве», вероятно, — 1188 г.).

Фрески Нередицы были выполнены с поразительным мастерством. Ища общего, вечного, вневременного смысла изображений, живопись XI—XII вв. искусственно отбирала из реального мира лишь общие признаки, эмблемы, знаки божественного смысла. В изображениях Нередицы первое место и по размерам и по центральному положению занимают человеческие фигуры. Фигуры святых, обычно изображенные в фас, стоят по большей части изолированно.

Их прямо устремленные перед собой взоры и спокойные жесты кажутся застывшими. Изображения людей как бы выключены из окружающей обстановки, перенесены в идеальный мир: пейзаж почти отсутствует, человеческие фигуры как бы находятся вне пространства и вне времени.

Но в это типичное для XI—XIII вв. идеалистическое церковное искусство мастера Нередицы сумели внести элементы реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, «воскресенного» из мертвых: его изборожденное морщинами лицо с опущенными веками — лицо выходца с того света. В композицию крещения внесены натуралистические детали: среди группы людей, ожидающих крещения, один склоняет через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Фрески Нередицы были исполнены русскими мастерами, что доказывается надписями: они почти сплошь русские за исключением нескольких греческих, в которых, однако, сделаны характерные для русских ошибки. Язык этих надписей обнаруживает черты новгородского произношения.

Без детального знакомства с фресками Нередицы не могли обойтись не только специалисты в области древнерусского искусства, но и специалисты-византологи, а также ученые, изучавшие западноевропейское искусство средневековья.

* * *

Несмотря на то, что Новгород избег непосредственного военного разгрома Батыем, общая судьба русской земли не замедлила сказаться и на новгородском искусстве.

В первой половине XIII в. наблюдается упадок строительной деятельности не только в тех русских областях, которые подвергались опустошительному разгрому монголо-татарских орд, но и в Новгороде. Новгородское искусство этой поры нам известно очень мало. Это объясняется в первую очередь экономическим оскудением Новгорода: монголо-татарское нашествие окончательно отрезало торговые пути на юг, в Византию, и новгородская торговля испытывает значительный кризис. Но все же архитектурное искусство в Новгороде не замирает.

Единственный сохранившийся памятник русского каменного строительства XIII в. — церковь Николы Липного около Новгорода (1292 г.). Затерянная среди непроходимых болот, церковь Николы Липного, выстроенная при сыне Александра Невского — Андрее Александровиче, представляет исключительный интерес и для истории русской архитектуры, и — своими фресками — для истории русской живописи.

Церковь представляет собой почти правильный куб. Деление стены на три части «лопatkами» (пилястрами) отсутствует. Кровля первоначально шла по трехлопастным аркам, сопровождаемым пояском декоративных арочек. Такими же арочками украшен барабан под шлемовидным куполом.

Одна глава и одна алтарная апсида подчеркивают монолитность здания. Древние фрески, расчистка которых была начата

в 1930 г., представляют исключительный интерес. Изображения Бориса и Глеба, многочисленных фигур воинов в верхних поясах росписи, исполненные русскими мастерами, сильно отличаются от форм византийского искусства и дают важный материал для изучения одежды и вооружения новгородских князей XIII в.

Под ударами батыевою рати погибли многие очаги русской письменности, гибли и самые книги. Так, например, при взятии Владимира, в числе других похищенных в Успенском соборе сокровищ захватчики, по словам летописи, «и книги одраша». Не удивительно, что после 1238 г. ряд существовавших до того центров книжности сразу же и надолго замирает. Замирает книжное дело в «матери городов русских» — в Киеве, в Чернигове, в Суздале и др. Иной была судьба книжности в тех городах, которые или вовсе избегли разорения (Псков, Новгород), или быстро сумели оправиться от него (Галич, Владимир-Волынский).

Работа книжников не только не пострадала в Новгороде, но даже заметно выиграла. В Новгород приливают книжные богатства, переселяются и книжники, ищащие здесь спасения от тревог татарщины. Многочисленные новгородские рукописи этого периода сохранились до наших дней в составе Типографской и Синодальной библиотек в Москве. Оба эти книгохранилища, возникшие во второй половине XVII в., бережно сохранили вытребованную в 1679 г. из Новгорода и Пскова специальным приказом патриарха Иоакима большую партию «старобытных», как говорилось в приказе, «харатейных» (т. е. пергаменных) книг для сверки с ними печатавшихся тогда в Москве богослужебных изданий. Сейчас эти собрания — в составе рукописного отделения Гос. Исторического музея в Москве.

К XIII — XIV вв. относится наибольшее количество находок в Новгороде так называемых берестяных грамот. Открытие берестяных грамот в раскопках 1951 г., руководимых А. В. Арциховским, было одним из значительнейших событий в советской науке. Это записи простых новгородских людей, процарапанные заостренными инструментами (писалами) для письма на кусочках берести: то это счет, то запись долговых обязательств, иногда приказание, иногда любовное послание. Пишут мужья к женам, крестьяне к боярину, ремесленники, торговцы, дети, жены и т. д. Некая Амвросия пишет к Степану (XIII в.), что из-за полой воды она не может с ним увидеться и видит его только в мысли. «Вся тако буду к тоби. А ты видиши ли?» — спрашивает она Степана и просит его взять ее подарок, обещая прислать еще больший. В другом случае (XIV в.) некий Борис пишет своей жене Настасье: «От Бориса ко Настасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек (человека) на жерепце, зане ми здесь дел много. Да пришли сороцицю (сорочку), сорочице забыле». В другом случае Настасья пишет об этом самом Борисе своей браты, сообщает им, что Борис умер и просит

их попечалиться о ней и о ее детях: «Поклон от Настасьи к господину, к моей к брати. У мене Бориса в животе нет. Как се, господа, мною поцелуете и молими детми». Не менее трогательно письмо, в котором крестьяне бьют челом своему господину Юрию Онцифоровичу, жалуясь на его ключника, который их притеснял: «Биют целом (бьют челом) крестьяне господину Юрию Онцифоровицу о ключнике, зандо господине, не может ницим ему удобриться. Того, господине, с села... господине, буянить. А себе, господине...»

Перед нами непререкаемое свидетельство широкого распространения грамотности в народе, памятники народной жизни, народного языка, народных знаний, правовых представлений своего времени и т. д.

Уже не может вызывать сомнений то место в былине о Василии Буслаевиче, где последний собирает себе дружину, рассылая по Новгороду «ярлыки скорописчные». «Скорописчные» грамоты, во множестве найденные в Новгороде, говорят о том, что простые люди Новгорода пользовались своею грамотностью в обиходе повседневной жизни.

ЭПОХА РАСЦВЕТА НОВГОРОДСКОГО ИСКУССТВА

ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЕ В НОВГОРОДЕ

Середина XIV в. отмечена для Новгорода общими для всей тогдашней Европы явлениями Предренессанса. Культурное возрождение, начавшееся в XIV в. и в Византии, и в Италии, и на Кавказе, захватило своими могучими токами Псков, Москву, Тверь и в особенности Новгород. На всем пространстве этой колосальной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными к жизни развитием демократической жизни в городах. Однако из всех русских городов предренессансское движение встречало наиболее благоприятную почву именно в Новгороде. Обширная мировая торговля Новгорода вызывала усиленный приток средств. Кроме того, с первой половины XIV в. начались деятельные сношения Новгорода с Византией, имевшей исключительное значение в общем европейском движении предренессанса. В XIV в. между Византией, подвластными ее культурному влиянию южнославянскими странами и Русью устанавливается интенсивное общение. На Русь приезжают болгарские, сербские книжники (Григорий Цамблак, Киприан, Пахомий Серб), а сами русские, и в особенности новгородцы, образуют целые колонии на Афоне и в Константинополе, занятые перепиской рукописей. Русские, в свою очередь, оказывают влияние на культуру южнославянских стран.

Насколько основательным было влияние русских книжников, живших на Афоне и в Константинополе, можно заключить хотя бы

из того, что серб Константин Костенческий в своем сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и сообразует с ним свои правила орфографии. Русский язык оказывает существенное влияние на болгарский литературный язык XIV в.

Предвозрождение резко изменило культурное лицо средневековья, принесло огромное тематическое обогащение искусству.

В XIV в. возникло первоначальное оправдание античности. Богословы XIV в. терпимее относились к античности, считая, что в античности были предсказаны все идеи христианства. Введенные, таким образом, в систему христианского богословия античные авторы (Платон, Вергилий, Апулей и др.) становились дозволенными и желанными. Греки прилежно изучают Гомера, Пиндара, Платона, Демосфена, пишут к ним схолии (ученые примечания), исправляют тексты, переводят с латинского и т. д. Образованные греки разносят знакомство с античностью в Италии. Известно, что учителем Петrarки в греческом языке был знаменитый византийский монах Варлаам, создатель движения варлаамитов.

Отныне искусство становится более эмоциональным и психологическим. Само христианство, рассудочное, схоластическое в предшествующие века, стремившееся к созданию энциклопедического знания¹ и грандиозных богословских построений, находит новую опору в узкодушных психологических и мистических переживаниях индивида, становится более сентиментальным и эмоциональным.

Эти новые настроения на Западе поддерживают вновь образованные нищенствующие монашеские ордена доминиканцев и францисканцев, внесших в религию психологическую сентиментальную струю и усиленно культивировавших уединенное молитвенное самогубление. В Византии предвозрожденческие идеи с особенной силой сказались в движении исихастов.

Глава движения исихастов Григорий Палама трактует в своих сочинениях о душевных силах, о человеческих чувствах, внимательно анализирует внутреннюю жизнь человека.

Психологическая теория Паламы представляла собой ярко прогрессивное явление для XIV в. Он обращает внимание на роль внешних чувств в формировании личности. Палама учит, что чувственные образы происходят от тела. Эти чувственные образы являются отображением внешних предметов, их зеркальными отражениями. Содержание трактата Паламы «Олицетворение» составляет суд между душой и телом. Побеждает тело.

Выдвижение в эпоху Предвозрождения на первое место чувств, чувственного опыта, внутренней жизни человека и первые проблески индивидуализма имели очень большое значение

¹ Ср. знаменитые энциклопедии XIII в. Винцента де Бове, Фомы Канти-пратана, Варфоломея Английского и др.

для всего европейского искусства и, в частности, для поразительного по силе изобразительного искусства Новгорода XIV в.

Те же веяния, которые ощущаются в Западной Европе в искусстве Чимабуэ, Джотто, Дуччио, а в Византии — в фресках Кахрие Джами и Мистры, пронизывают собою и новгородские фрески XIV в., фрески Михайло-Сковородского монастыря (1355 г.), Волотова (1363 г.), Федора Стратилата (около 1370 г.), Спаса Преображения (1378 г.), Ковалева (1380 г.), церкви Рождества на Кладбище (1382 г.) и др.

Поразительно, что многие черты общеевропейского Предвозрождения оказались в новгородской живописи с большею силою, чем где бы то ни было. Вместе с тем нигде в Европе живопись XIV в. не была представлена (до второй мировой войны) в таком обилии памятников и в такой превосходной сохранности.

Живопись этой поры обогатилась новыми темами, ее сюжеты значительно усложнились, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчеркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстатическое волнение.

Священные сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее. В трактовке человеческого образа сказалось живое наблюдение. Вместо изображения изолированных и неподвижных человеческих фигур с прямо устремленным на зрителя взором, которые были так характерны для стенописи XI—XII вв. (например, для фресок Нередицы), живопись XIV в. изображает человека в сложных композициях, в сильном движении. Человеческие фигуры обращены не к зрителю, а как бы вовлечены во внутреннюю, не зависящую от зрителя жизнь композиции. Художники заставляют человеческие тела изгибаться, обращают их друг к другу, разворачивают складки их одежд, как бы колеблемые сильным ветром. Широкие и плавные жесты, легко стремящиеся друг к другу несколько удлиненные фигуры, одежды в многочисленных и неспокойных складках характерны для новгородских фресок этой поры, сделавших значительные шаги к реализму. Значительно усилилась роль пейзажа, охваченного тем же бурным, все пронизывающим движением. В орнамент этого времени проникают натуралистические детали, элементы наблюдения природы. Особенно часты в нем растительные мотивы: расцветающие почки, сильно изогнутые листья каких-то фантастических трав.

В трех километрах от Новгорода, на берегу одного из рукавов Волхова — Волховца (или Жилотуга), находилась прославленная своими фресками церковь Успения на Волотовом поле. До разрушения ее фашистами она представляла собою одну из самых больших ценностей русского искусства. Волотовская церковь была построена в 1352 г. Четыре столба поддерживали единственный купол. Единственная алтарная апсида не достигала верха здания. Покрыта церковь была посводно: каждый из фа-

садов завершался изящной трехлопастной аркой, по которой и шла кровля. Сравнительно с грандиозными, торжественными и сложными по своей конструкции архитектурными сооружениями XI—XII вв. Волотовская церковь была значительно проще, обыденнее, интимнее. Главная достопримечательность церкви заключалась в ее прекрасно сохранившихся фресках, основная часть которых относилась к 1363 г.

Фрески Волотовской церкви были выдержаны в одной гамме, сочетающей глубокие серовато-синие тона с розовыми и зеленоватыми. Общая композиция фресок была схвачена единым движением, которое наполняло собою всю церковь. Человеческие фигуры, изображения скачущих всадников, молниевидные изломы скал казались разметанными ветром по стенам. Большинство сложных изображений имело диагональную композицию, подчеркивавшую движение и прямо противоположную застылости строгих вертикальных композиций XI—XII вв. Изображения исполнены мягко, эскизно, их контуры несколько растушеваны, художник стремился передать ощущение пространства, и фигуры производили впечатление реюющих перед стеною призраков.

По своему содержанию и по трактовке «священных» сюжетов росписи Волотова значительно отступали от церковной традиции. Отдельные детали композиций и целые сюжеты были в них заимствованы из народных легенд, проникнутых ненавистью к богатым и к господствующим классам. Одна из композиций изображает Христа в образе нищего с сумой и посохом, в рубище, босого, пришедшего в богатый монастырь к игумену во время пиршества и безжалостно прогнанного им. Жизненны и естественны полные движения позы пирующих, их одежды современны, возможно, даже следуют правилам тогдашней моды.

Не лишены, очевидно, портретного сходства изображения в Волотове новгородских архиепископов Моисея и Алексея — современников волотовских росписей. Волотовский мастер, гениально расписавший стены этой небольшой церкви, стремился как бы приблизить религиозные сюжеты к современности, насытить их человеческим содержанием, передать психологические

переживания, внести в них то религиозное вольнодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде, и в Пскове к появлению ересей.

К 1360 г. относится построение церкви Федора Стратилата на Торговой стороне. Изначальное покрытие церкви, по-видимому, четырехфронтонное. Многолопастная арка, бегущая под карнизом, имеет чисто декоративное значение. Чуть покатые стены по-старому делятся на три части четырьмя лопатками-пилястрами, имеющими, однако, более декоративное, чем конструктивное, значение. Окна сужены и слегка заострены кверху. Особенно нарядное впечатление производит барабан, в котором лаконичными приемами удалось добиться впечатления почти ковровой орнаментации.

Примененная здесь разделка барабана фризами из зигзагов и треугольных впадинок становится затем одним из излюбленных приемов новгородской архитектуры.

Фрески Федора Стратилата мягче, лиричнее фресок Волотова. Их розово-сиреневатая, дымчатая гамма еще прозрачнее волотовской. Движение ритмичнее. В более просторных помещениях храма еще резче проявляется характер призрачности росписи. Вместе с тем в них еще сильнее сказывается сентиментальный, эмоциональный дух, особенно типичный для XIV в. и как бы противостоящий духу официальной догматики.

В 1374 г. на Ильиной улице была поставлена церковь Спаса Преображения — наиболее нарядная из построек Новгорода XIV в. Освобожденная от позднейших пристроек и реставрированная в советское время, церковь Спаса является одной из самых больших достопримечательностей Новгорода. Летопись сохранила нам имена лиц, «трудившихся» над ее украшением: это «боярин Василий Данилович, со уличаны Ильины улицы», художественному вкусу которых мы обязаны приглашением для ее росписи Феофана Грека. Церковь Спаса была создана в том художественном соревновании, которое было характерным явле-

нием новгородской жизни XIV в. Эта атмосфера искусства отразилась, в частности, и в новгородской летописи, обычно скромной и лаконичной, но точной в упоминаниях имен строителей церквей, в датировке их построения, переделок и настенных росписей. По своему типу и размерам Спас на Ильине во всем подобен построенной за 14 лет до него церкви Федора Стратилата. Однако по изяществу своих пропорций и насыщенности декоративными элементами Спас на Ильине превосходит своего предшественника. Церковь Спаса обильно разделана вкладными крестами, красивыми дорожками из треугольных впадинок, узорными поясами из полукруглых ниш и зубчиками. Вся эта декоративная разделка стен напоминает народную резьбу по дереву или кости. Узор, однако, не мельчится, умело рассчитан на различимость издалека, прост и не уменьшает впечатления от монументальности сооружения. Впечатление богатства и пестроты создается самыми скромными, лаконичными средствами, впечатление надолго не покидающее любого человека, кто видел церковь.

Росписи церкви Спаса Преображения выполнены замечательным мастером XIV в. Феофаном Греком, которому принадлежит немалая роль в интенсивном художественном движении Новгорода XIV в.

До прибытия в Россию Феофан «свою рукою» расписал ряд церквей в Константинополе, Халкидоне, Галате и Каффе (ныне Феодосия в Крыму); из последней, очевидно, Феофан и был приглашен в Новгород. Летописи неоднократно упоминают работу Феофана. В 1378 г. он «подписывает» Спаса на Ильине в Новгороде; в 1395 г. вместе с Семеном Черным и своими учениками расписывает церковь Рождества с приделом Лазаря в Москве; в 1399 г. с учениками расписывает Архангельский собор в Кремле и, наконец, в 1405 г. вместе с Андреем Рублевым и старцем Прохором расписывает московский Благовещенский собор. Этим

не исчерпывается объем работ Феофана. По словам Епифания Премудрого, оставившего нам восторженный панегирик Феофану, всего им было расписано до 40 каменных церквей.

Более 30 лет прожил Феофан в России, не только уча, но и учась. Как и многие из приезжавших впоследствии в Россию художников, Феофан подпал под мощное воздействие русской художественной традиции и вместе с тем как нельзя более во время сумел привить ей много нового и жизненно необходимого. Епифаний Премудрый называет в своем письме Феофана Грека «изографом» и отмечает его дар сочинять и рисовать от себя без помощи образцов и «переводов». Характерная особенность искусства Феофана, как мы можем судить о нем на основании двух сохранившихся от него росписей в Новгороде (церковь Спаса на Ильине), состоит в необыкновенной уверенности его мазка, широте и твердости письма. Живописный опыт, умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться его работа, реалистическая трактовка голов и чутье колориста отличают Феофана. Епифаний отмечает, что, когда Феофан работал, он «нагама же без покоя стояше». В этом наблюдении Епифания мы узнаем характерную манеру художника-монументалиста, которому приходилось все время отступать от своей работы, чтобы обозреть ее со стороны. Фреска требовала умения быстро работать по еще сырой штукатурке и заранее твердо держать в голове точный план всей росписи, так как изменять что-либо в письме было бы уже поздно.

Церковь Спаса Преображения расписана Феофаном Греком двумя-тремя близкими, интенсивными, теплыми тонами (коричневатыми, красновато-желтыми). Его мазок энергичен, резок, короток, светотень выражена резко, контуры до предела обобщены. Внешнего движения в росписях Спаса Преображения меньше, чем в фресках Волотова и Федора Стратилата, но человеческие фигуры исполнены внутреннего напряжения, полны повышенного психологизма, динамики чувств. Психологические характеристики, данные им в изображении праотцев, пророков, столпников,— изумительны по силе. Фрески Феофана производят впечатление необычайно мощных, монументальных; письмо отличается «корпусностью» и вместе с тем какою-то особой трагичностью мировосприятия. Его знаменитая «Троица» сравнительно с нежной и человечной «Троицей» Андрея Рублева производит впечатление видения страшного суда — такой карающей силы исполнены ее грозные ангелы.

Искусствоведы неоднократно указывали на связь нового направления новгородской живописи с еретичеством. Связь живописи Феофана Грека с еретическими и мистическими движениями XIV в. была отмечена уже Б. В. Михайловским. «Творчество Феофана, — пишет он, — было проникнуто тем мрачным дуализмом, теми представлениями о могуществе зла в мире, тем экстатическим порывом к освобождению от материального и к

слиянию с духовным, которые несли в мир утонченной византийской культуры еретические секты переднеазиатского Востока¹. В более осторожной форме ту же связь отмечает и В. Н. Лазарев: «В век, когда еретические движения разлились широким потоком по территории Западной и Восточной Европы, остро субъективное искусство Феофана должно было пользоваться большим успехом². Связь живописи Феофана Грека с определенными идеями была замечена и его современниками, называвшими его «философом». Те же типично еретические особенности были отмечены исследователями и в волотовских росписях, о которых мы уже говорили выше. Волотовские росписи, думается, не случайно были выполнены по постановлению ставленника новгородских ремесленников, архиепископа Василия Калики³.

Резко иной характер имели уничтоженные фашистскими захватчиками фрески Ковалева (1380 г.), которые обычно принято сопоставлять с современными им росписями сербских храмов. Рисунок их тяжелее, тона глушее.

Интересным дополнением к перечисленным фрескам являются фрески новгородской церкви Рождества на Кладбище и раскрытые в 1937 г. фрески Сковородского монастыря, вскоре уничтоженного фашистскими захватчиками. Фрески церкви Рождества выражают стремление к более отчетливому письму, к многоцветности, к измельчанию рисунка. Теми же особенностями отличались и фрески Сковородского монастыря, выдержаные в синевато-фиолетовых, зеленоватых и желто-оранжевых тонах.

Фрески Волотова, Михайло-Сковородского монастыря, Федора Стратилата, Спаса Преображения, Ковалева, Рождества на Кладбище свидетельствуют о богатстве художественной жизни Новгорода, о наличии многих мастеров и о существовании нескольких художественных школ. И также совершенно очевидно, что те культурные явления, которые характеризовали европейский Предренессанс XIV в., были свойственны и Новгороду. Более того, именно в Новгороде предренессанская живопись XIV в. представлена в своих наиболее типичных и многочисленных образцах.

Для всей новгородской фресковой живописи XIV в. характерен своеобразный мистический индивидуализм, свободное отношение к обрядовой стороне религии, к официальной церковности.

Влияние искусства фресок испытывают на себе и прославленные новгородские иконы XIV в., отличающиеся необычайной интенсивностью цвета, яркостью красок и, в известной мере, свободой композиции. Но вместе с тем необходимо отметить,

¹ Михайловский Б. М., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, с. 28.

² История русского искусства/Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. М., 1954, т. 2, с. 159.

³ См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 767—776.

что иконная живопись в гораздо большей степени, чем фресковая, находится во власти традиций живописи XII—XIII вв. вследствие сложности своей техники, требовавшей устойчивых приемов работы.

На этом общем фоне новгородской художественной жизни XIV в. примечательно исключительное внимание новгородской летописи ко всему, что касается искусства. Новгородские летописи донесли до нас многие события, так или иначе связанные с произведениями архитектуры и монументальной живописи: построение церквей, закладка сводов, переделка кровли, куполов, росписи внутренние и внешние, построение палат, пожары церквей, побелка стен и т. д. Все эти мелкие, казалось бы, факты нашли отражение в новгородской летописи наряду с важнейшими событиями политической жизни Новгорода. Археологические исследования показали, насколько точными и полными являются в этой части сообщения новгородской летописи.

Таким образом, эпоха расцвета новгородской живописи отмечена в литературе Новгорода усиленным вниманием к искусству, живописи и архитектуре. Атмосфера искусства наполняет собою все явления культурной жизни Новгорода второй половины XIV в.

* * *

Рыцарь Гильблер де Ланнуа, побывавший в Новгороде в 1413 г., писал о нем: «Великий Новгород удивительно большой город; он расположен на большой равнине, окруженной большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. Посреди упомянутого города течет большая река по имени Волхов. Город обнесен плохими стенами, сделанными из плетня и земли, тогда как башни каменны. Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника. И содержат они, равно как и все прочие русские в Руси, которая очень велика, христианскую религию по своему обряду, такому же, как и у греков. Они имеют замок, расположенный на берегу упомянутой реки, и в нем соборная церковь св. Софии, которую они почитают, и там живет их упомянутый епископ. Внутри упомянутого города живет много больших синьоров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, которые владеют землей в 200 лье длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские великой Руси других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди, как хочет община. Монета их состоит из кусков серебра, весящих около 6 унций — без оттиска, потому, что вовсе не куют золотой монеты, а мелкая их монета состоит из мордок белок и кун. Они имеют двух начальников: тысяцкого и посадника, которые управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год. И там я был у упомянутых епископа и синьоров. Женщины носят волосы, заплетенные в 2 косы, висящие сзади

на спине, а мужчины — носят одну косу. Я был девять дней в этом городе, и упомянутый епископ присыпал мне каждый день более 30 человек с хлебом, мясом, рыбой, буквальными орехами, пореем, пивом и медом, а вышеупомянутые тысяцкие и посадники дали мне обед — самый странный и самый удивительный из всех, виденных мною когда-либо. В ту зиму было так холодно, что занимательно было бы рассказать о стужах, которые там были...

Все синьоры Новгорода Великого владеют 40 000 конницы и бесчисленной пехотой. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли много больших сражений¹.

Лихорадочная и неспокойная строительная деятельность архиепископа Евфимия II (XV в.) ярко отражает поиски идейного обоснования антимосковских позиций новгородского боярства. Евфимий II обстраивает новыми зданиями архиепископский двор Детинца, строит на Софийской и на Торговой сторонах Новгорода, строит в Старой Руссе, в Вяжищах, в Хутыне и т. д. Эпохе Евфимия принадлежат здания светского характера, промышленного назначения, церкви и правительственные палаты. Под 1433 г. летопись рассказывает, что «в Великом Новгороде владельца Евфимий поставил у себя палату каменну, а дверей в ней тридцать, а мастера ставили новгородские и немецкие из-за моря».

Очевидно, что антимосковские устремления боярской литовской партии были настолько сильны, что привели даже к привлечению заморских строителей. Воздвигнутая в 1433 г. Евфимием¹ Грановитая палата (в ней заседал затем Совет господ) представляет собой готическое по своей внутренней разделке здание, крестовые своды которого опираются на центральный столп. Многочисленные грани этих сводов разделены жгутами (нервюрами), типичными для западноевропейской архитектуры.

Через несколько лет после возведения единостолпной Грановитой палаты Евфимий привлек иноземных мастеровставить «комнатку малу», а затем (в 1443 г.) построил своеобразную ратушевую башню, так называемую Евфимиевскую часозвоню, на которой впоследствии были поставлены часы, оглашавшие боем весь город. Часозвоня Евфимия — одна из первых построек типа колоколен. Несмотря на общую западную идею ратушной башни, она сохраняет излюбленные новгородские архитектурные приемы, в частности типично новгородские обширные глади стен.

Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимало массовое возрождение новгородских архитектурных форм XII в.².

¹ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Л., 1935, с. 69.

² См. подробнее: Дмитриев Ю. Н. К истории новгородской архитектуры.— Новгородский исторический сборник, вып. 2. Л., 1937.

Массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII в. связано с одновременным установлением культа «преждеотшедших» (т. е. умерших) новгородских архиепископов, с огромным развитием летописного дела, отразившим повышенный интерес к истории Новгорода, созданием цикла литературных произведений вокруг новгородского архиепископа Иоанна, при котором в 1170 г. новгородцы отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств. Вся эта деятельность Евфимия II и боярской партии Новгорода имела в виду идеологическую борьбу с Москвой, объяснялась намерением найти идейную почву для своих антимосковских устремлений в старине Новгорода, противопоставить общерусским объединительным тенденциям Москвы местный патриотизм.

Такая узость идейных позиций новгородского боярства не могла не вызвать некоторого упадка искусства. Архитектурные сооружения эпохи Евфимия значительно уступают по стройности и законченности форм новгородским постройкам XIV в. Постепенно падает и искусство фресковой живописи. В XV в. на стенные росписи начинает усиленно влиять иконное письмо. Влияние это было роковым для искусства фрески.

Фрески XV в. (фрагменты росписей церкви Сергия в новгородском Детинце, фрески Зверина монастыря и Гостинополья)

стремятся подражать иконе в густоте колорита, мельчат композицию; в них часты поясные изображения, застывшие, малоподвижные фигуры. Пропадает характерное для фресок XIV в. умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться изображение, умение согласовывать росписи с архитектурными формами. Искусство фрески клонится к явному упадку. На прежнем уровне находилось лишь блестящее мастерство новгородских иконников, которое значительно больше зависело от частной инициативы и в котором меньше сказывались политические установки боярской партии.

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же как и представители демократической московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Признание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи и исключительные книжные богатства Новгорода, приглашала к себе новгородских иконников и строителей, подчеркивала славу и величие Великого Новгорода, исконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь в «последних летах». Постепенно Москва обстраивала новыми стенами новгородский Детинец, возвратила в Новгород софийскую казну, увезенную было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь.

* * *

С конца XV — начала XVI в. строительство в Новгороде в основном переходит в руки московских купцов, переселенных в Новгород Иваном III.

Крупные новгородские купцы — москвичи по происхождению — заказывают постройку церквей новгородским артелям каменщиков. Противоречия между московскими вкусами заказчиков и новгородскими строительными традициями не могли не сказаться в новгородских постройках этой поры.

Наивное применение московских строительных приемов в сочетании со старыми типами новгородской архитектуры XII в. представляет собой церковь Бориса и Глеба (1536 г.) на Торговой стороне в Новгороде. Московское пятиглавие этой церкви (очевидно, заказанное строителям и, кстати сказать, неумело примененное) совпало с пятиглавием новгородских церквей XI — XII вв. и дало возможность строителям обратиться к попыткам возрождения древнего позакомарного (посводного) покрытия (впрочем, вместо волнистой кровли строители покрыли закомары мелкими фронтоначками, придавшими постройке наивный и незаконченный вид).

Но не только московские купцы строят в Новгороде. В 1515 г. отец Ивана IV Грозного — Василий III построил в Хутынском монастыре недалеко от Новгорода Преображенский собор, поражающий своими торжественными и монументальными формами, характерными для московской архитектуры начала XVI в.

Новгородское зодчество, включенное в общий процесс развития русской архитектуры, продолжает свое движение вперед. Значительно увеличивается количество построек и их размеры.

За годы хозяйствичанья всеевропейского сброва наемников (начало XVII в.) Новгородская область была страшно опустошена. Население Новгорода частью вымерло, частью разбежалось, соединившись с отрядами партизан. В начале XVII в. в самом городе было много пустырей: пустовали целые улицы. «А в твоей государственной отчине, — писали новгородцы в челобитной царю, — в Великом Новгороде Софий-

ская сторона вся пуста и разорена до основания, а на Торговой, государь, стороне также многие улицы и ряды пусты; в которых, государь, улицах и есть жилишка, и тех немного: в улице человек по осьми и десяти, да и те бедны и должны».

Земля стояла непаханной и зарастала сорняками. Запустели мирные села, погосты, починки. В лесах бродили одичавшие лошади. Но разбежавшиеся жители соединялись в отряды и били вражеских солдат всюду, где бы они ни появлялись. Жители городов сносились друг с другом посланиями, объединяясь в ополчения. В Тихвине шведский гарнизон был почти уничтожен. Шведам не удалось замирить и Псков. Именно эта война, до крайности истощившая шведское войско, заставила их поторопиться с заключением Столбовского мира, по которому многое из фактически завоеванного шведами возвращалось русским.

Несмотря на страшное разорение и опустошение Новгорода, культурная жизнь не замирает в нем. Ко второй половине и к кон-

цу XVII в. в Новгороде относится ряд построек, из которых наиболее интересны гражданские. В Детинце был построен в конце XVII в. так называемый Лихудовский корпус. В нем помещалась славяно-греко-латинская школа братьев Лихудов. Восточный фасад этого корпуса украшен сложными оконными наличниками. У Софийской звонницы находилась другая гражданская постройка XVII в., примечательная своими богатыми наличниками окон. В южной части Детинца сохранились стены Никитинского корпуса второй половины XVII в.

Постепенно культура Новгорода теряет местные черты и вливается в культуру обще-русскую. Постепенное иссякновение местных особенностей не было результатом обеднения местных культурных сил. Наоборот, оно явилось как следствие наплыва различных культурных влияний, в первую очередь московских, растворивших характерные черты местных новгородских школ, в искусстве и в литературе оно явилось как следствие демократизации литературы, как результат общего подъема патриотического настроения. Теряя местные черты, новгородская культура приобретает черты общенациональные.

* * *

Творя настоящее, советские люди направляют все свои мысли в будущее. Перед нашим духовным взором раскрываются необычайные сокровища, которыми будет владеть наша Родина через семь, десять, двадцать, сто лет...

Думая о наших детях, внуках, правнуках, мы верим, что в их жизни не будет войн и что у них будет *все*. Но *все* — это не только межпланетные корабли, победа над социальной несправедливостью, старостью, болезнями и смертью. Это — и сияние зорь над бескрайними русскими полями, и золото осенних рощ, это — и красота полноводного Волхова, и весенние пересвисты птиц над приильменскими просторами...

Больше, чем когда-либо, потомкам нашим нужна будет Родина и ее славное прошлое.

Постигая годы великих революционных дерзаний и побед, думая о горячих людях, созидающих прекрасную жизнь для грядущих поколений, потомки наши будут обращать свои мысли и к летописям глубокой древности — к новгородским черным людям, сражавшимся на Волховском мосту и на Вечевой площади, сказителям поэтических былин, новгородским художникам и мастерам, воплотившим в своем вдохновенном искусстве бессмертные народные традиции. Все будет беречь благодарная память потомков...

В современном Новгороде наряду с работниками промышленности трудятся специалисты музеяного дела, археологи, археографы, хранители древних рукописей и книг, архитекторы-реставраторы, искусствоведы. Они ведут борьбу со смертью, которая подстерегает не только людей, но и их неповторимые творения. Бережно извлекают они из небытия и оберегают от гибели неоценимые сокровища. Они терпеливо, шаг за шагом реставрируют здания, фрески — мировые шедевры русского искусства, спасают их от разрушительных действий времени, жары и мороза, пальящих лучей солнца, дождя и сырости, от равнодушия или легкомыслия тех, кто не хочет знать национальной культуры или не способен ее ценить.

Проявляя заботу о памятниках нашей древней культуры, они заботятся о нашем будущем.

НОВГОРОДСКИЕ ПИСЬМА

Я прочел как-то в газетах заметку, что генеральный план развития Новгорода утвержден. Далее стояла обычная в таких случаях стандартная фраза: «древний Новгород помолодеет» или что-то в этом роде. И мне захотелось поехать в Новгород, еще раз встретиться с этим удивительным городом, красоту которого не сразу поймешь, но, раз поняв, потом с ней не расстанешься.

Побыть в Новгороде два-три дня в году для меня потребность. Новгород для меня необходим. К нему привыкаешь, как к старому знакомому, которого встречаешь нечасто, и каждый раз видишь, как он изменился. Нельзя любить безличный город. Как бы ни были правильны черты его лица, но чтобы полюбить его, в нем должна быть какая-то характерность — неповторимость, необщее выражение.

Нелегко объяснить, чем притягивает Новгород, чем он целит и умудряет. Может быть, тем, что ему больше тысячи лет и этот возраст его еще виден: в Софии, которая моложе его лет на двести, в раскопках археологической экспедиции В. Л. Янина. А может быть, тем, что многие из зеленых (очень зеленых) улиц его Торговой стороны сбегают прямо к Волхову или уводят

взор в далекое Красное поле, которое и до сих пор еще «красное», т. е. красивое. Нравятся мне и те немногие сохранившиеся провинциальные дома XVIII — XIX вв., в одном из которых на берегу Волхова доживала свой век моя гостиница. Нравится мне Новгород и своими группами туристов, которые под руководством музеиных гидов бродят по городу, как по залам музея. Нравятся мне и художники, устанавливающие мольберты на набережных или прямо на мостовой, и фотографы-любители, суетливо ищащие «точку» съемки.

Но, пожалуй, больше всего мне нравятся просторы Новгорода. Город расположен на берегах полноводного Волхова. Он как бы пропускает через себя клубящиеся мутно-желтые быстрые воды глубокой и древней реки. Его кремль в беспрерывном движении. Если смотреть на него из окна гостиницы, кажется, что Волхов стоит, а движется кремль, плывут по Волхову София, часовня, башни... А если сидеть в солнечный ветреный день в кремлевском саду и смотреть на золотой купол Софии, — видишь, как отражаются в нем тени облаков, как непрерывно меняет свой тон золото купола. Древние греки говорили, что морской прибой напоминает о вечности. В Новгороде есть свой прибой вечности.

Потому, может быть, что Новгород расположен низко и плоско, окружен полями, близко подходит к просторам Ильменя, — в нем очень много воды, воздуха, неба!

Простор! Это то самое, что больше всего характерно для Новгорода, что традиционно связано с его историческим обликом. В самом деле, огромное Новгородское государство, доходившее на востоке до Урала, на севере до «дышущего моря» — Ледовитого океана, связанное торговлей с Константинополем на юге, Скандинавией на севере, с Любеком и другими ганзейскими городами на западе, начиналось у подножия Софии. От Софии оно лучеобразно распространялось в виде концов города, а от концов города подчиненными этим концам пятыми, которые расходились от Новгорода гигантскими веерами во все стороны света.

Волхов в центре Новгорода был не только некоей акватрией — это был водный путь, связывавший новгородцев и со своими владениями, и со всем тогдашним культурным миром. Как символы власти Новгорода над окружающими его просторами по горизонту, видному с земляных валов, на равных расстояниях друг от друга хороводом стояли церкви: Нередица, Андрей на Ситенке, Спас на Ковалеве, Волотово, Хутынь... Ожерелье церквей нужно было Новгороду, как иногда фотографу нужна зеленая веточка на переднем плане, чтобы дать почувствовать пространство. Когда сразу после освобождения Новгорода от фашистов я приехал сюда, все эти церкви были в развалинах. От горизонта веяло смертью. Простор исчез. Сейчас восстановлены Нередица и Ковалево и сразу горизонт ожила.

Нельзя просто украшать то, что уже красиво. Нельзя думать, что красива только ровная линия застройки или только микрорайоны определенных типов, только пятиэтажные здания или только высотные здания. Своеобразие нужно для красоты. Пусть чаще у нас пишут о красоте существующего, тогда легче будет планировать красоту будущего.

Наши города должны быть разнообразны. Будем охранять не только отдельные памятники старины, но и общую красоту наших городов. Будем сохранять их индивидуальность.

Наши города — живые. Они умные, они строились с заботой о красоте. Им не надо навязывать стандартную красоту. Пусть они «сами» выбирают, что им подходит. Старость их не портит. Их возрастом надо гордиться. Их красоту надо уважать. И надо сказать, в самом Новгороде есть люди, беззаботно преданные городу, его прошлому, его сегодняшней красоте, его будущему. Но об этом — ниже.

* * *

Мы привыкли представлять себе музеи тихими учреждениями, отгородившимися от жизни. Движение жизни остановилось в их стенах, а сами музейные работники как бы отрешились от насущных забот, посвятили себя служению прошлому. Проходят десятки лет, и все те же памятники искусства радуют взор редких посетителей и, кажется, все те же музейные работники встречают их...

Эти представления о музеях сами могли бы стать достоянием музеев этого типа. Они устарели. Настоящий музей — это учреждение с кипучей научной и пропагандистской деятельностью, с постоянно новыми выставками, с выездными лекциями, учреждение, активно работающее в школах, среди молодежи. Сюда, в музей, приходят искусствоведы, историки, художники, здесь спорят об искусстве, здесь решаются научные вопросы. А сами музейные работники? Это те, кто прежде всего думает о будущем, кто озабочен сохранением культурных ценностей для наших детей и внуков, кто спасает памятники искусства, кто первым включается в обсуждение вопросов градостроительства.

Таков и любимый мной музей Новгорода. О нем я и хочу рассказать.

Музей этот не замкнут в стенах одного здания. Он как бы населяет собой современный Новгород. Музей и современный Новгород слиты, составляют единое целое.

Посетители Новгорода — это посетители Новгородского музея. «Витрины» музея размещены по всему городу. Это кремль и его здания, это старинные церкви с их прославленными во всем мире фресками. Они вписываются в архитектурный ландшафт современного Новгорода. Музей показывает свои экспонаты среди кипучей деловой жизни, среди скверов и площадей города. Памятники великой русской культуры стоят там, где стояли

столетия назад, там, где их создавали зодчий и художник. Фрески освещены так, как при их создании. Приезжающие в Новгород из всех стран мира туристы ходят от одного объекта к другому. Они посещают Ярославово дворище, где шумело вольнолюбивое новгородское вече, видят места исторических событий, убеждаются в мировых связях древнего Новгорода.

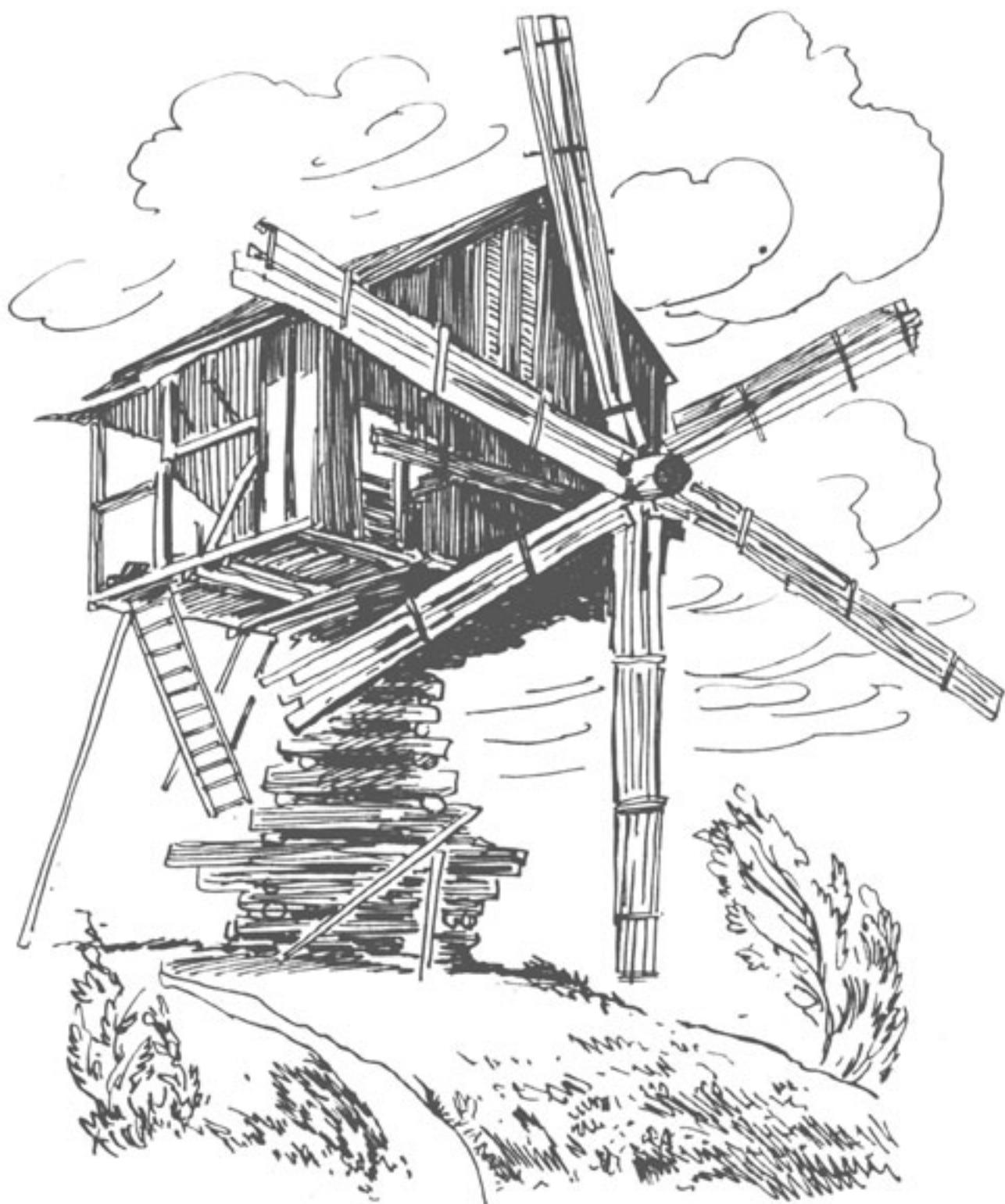
Музей слит с городом не только в архитектурном отношении. Он играет виднейшую роль в культурной жизни современного Новгорода. Его издания выставлены в киосках и книжных магазинах. Лекции музеиных работников не сходят с афиш Центрального городского лектория. Музейные работники тесно связаны с архитектурно-реставрационными мастерскими, городскими архитекторами, наблюдают за земляными работами в городе, принимают его гостей. Они учат патриотизму, воспитывают любовь к родной стране и родному городу.

Во время Отечественной войны, когда Новгород был оккупирован гитлеровцами, музейные работники последними покидали город. В отчаянно тяжелых условиях, без железных дорог, увозили с собой все наиболее ценное, что только могли погрузить на баржи и лодки. После освобождения Новгорода зимой 1944 г. они первыми вернулись в него, чтобы сохранить то, что не успели украсть и уничтожить оккупанты. Им помогало население. В развалинах всемирно прославленной Нередицы еще лежали неразорвавшиеся снаряды и мины, но вернувшиеся жители, не имевшие еще крова над головой, делали все для того, чтобы предохранить фрески от непогоды, и в этом им помогали музейные работники. Музейные ли только? Они делали все, чтобы возродить свой город, его материальную и духовную жизнь одновременно. Они понимали, что нельзя строить современный социалистический Новгород без возрождения его культурных ценностей, без бережного отношения к истории.

Захватчики разрушили многие памятники Новгорода:

церковь Нередицу XII в., церковь в Ковалеве XIV в. с ее фресками, в создании которых принимали участие сербские художники, церковь в Волотове XIV в. со всем комплексом ее росписей и многое, многое другое. Они увезли с собой пять тысяч икон, в основном XV—XVII вв., и множество других предметов искусства. Но тем не менее спасенных вещей было еще много. Несмотря на жестокий жилищный кризис, Новгородскому музею сразу после войны было передано самое крупное из сохранившихся зданий — здание бывших Присутственных мест. Здесь и в Грановитой палате XV в. сосредоточены сейчас ценности мирового значения. Здесь отражена русская культура целого тысячелетия. Собрание древнерусской живописи — одно из лучших в мире. В стенах музея — древнейшая русская икона «Петр и Павел» XI в. Здесь же древнейшее русское шитье — поручни Варлаама Хутынского XII в., древнейшие произведения русского прикладного ис-

кусства. В стенах новгородского Софийского собора — остатки древнейших русских фресок. В витринах музея — древнерусские рукописи, берестяные грамоты. Экспозиция новой живописи включает произведения Аргунова, Рокотова, Боровиковского, Левицкого, Брюллова, Крамского, Репина, Нестерова, Коровина, Серова, Рылова, Грабаря и многих других прославленных русских художников.

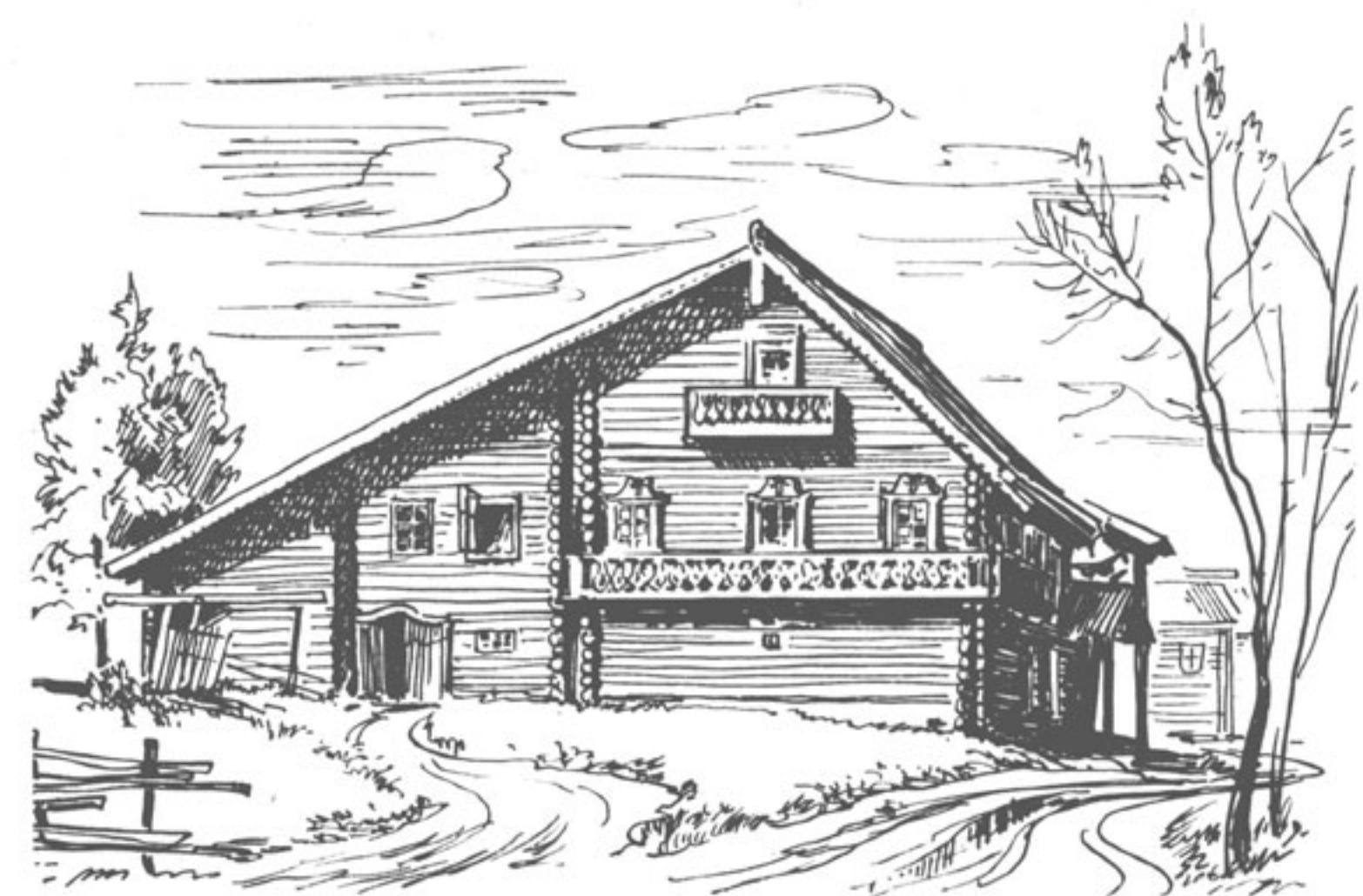
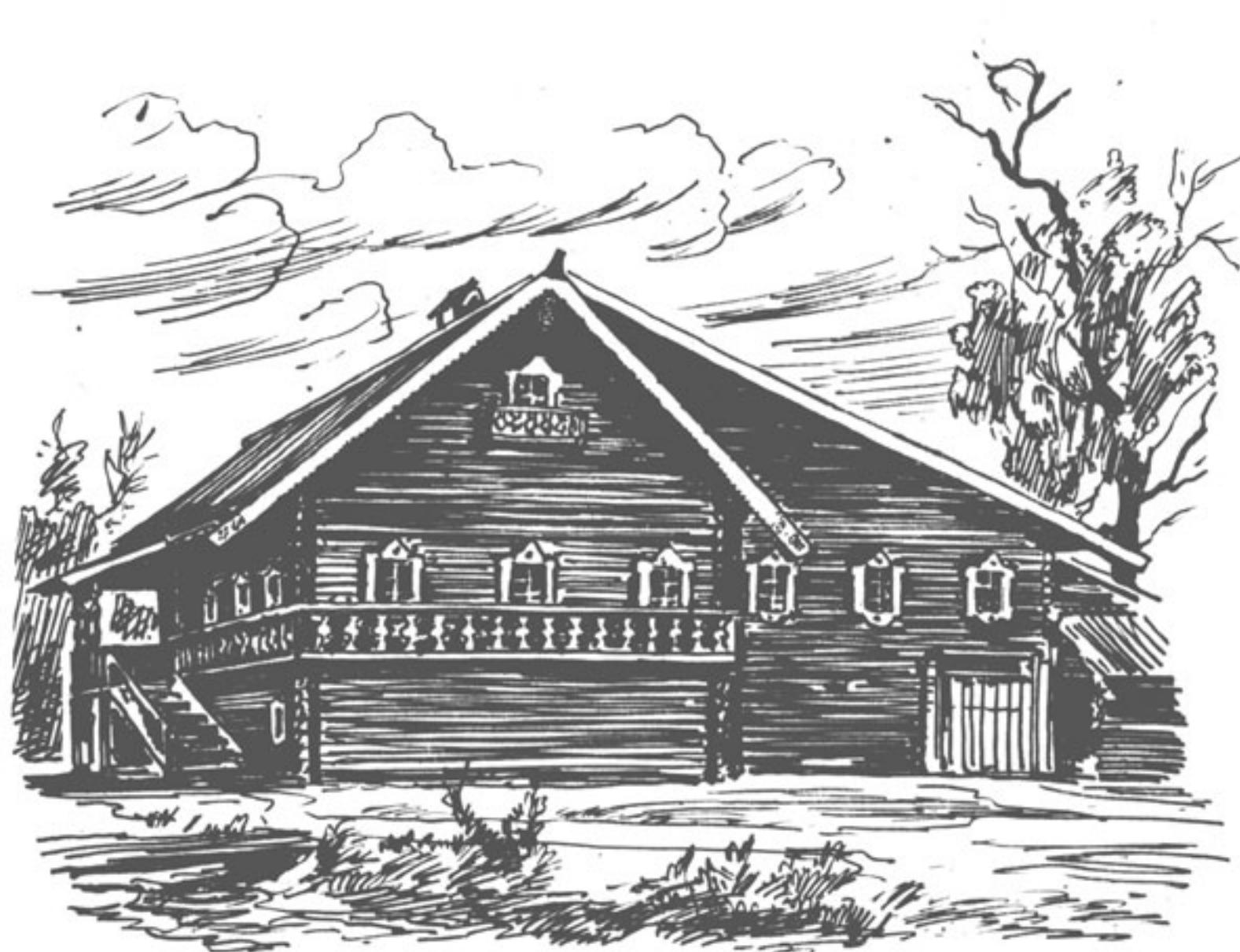
Музей ведет интенсивную научную работу. По материалам Новгородского музея написаны работы многих известных историков и искусствоведов. Здесь работали академики Б. Д. Греков, И. Э. Грабарь, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, А. В. Щусев. По новгородским материалам писали Д. В. Айналов, С. В. Бахрушин, М. И. Артамонов, М. В. Алпатов, А. А. Спичин и создает свои замечательные труды В. Л. Янин. Многие из этих работ, написанных ими, переведены на иностранные языки. В Новгородский музей постоянно приходят запросы на те или иные материалы из-за границы, ибо историей Новгорода интересуются во всем мире. Но только ли одни ученые работают по материалам Новгородского музея? Здесь видели Эйзенштейна, Рериха, С. Герасимова, Кончаловского, Кукрыниксов, Чапыгина, Язвицкого, В. Белова, В. Распутина.

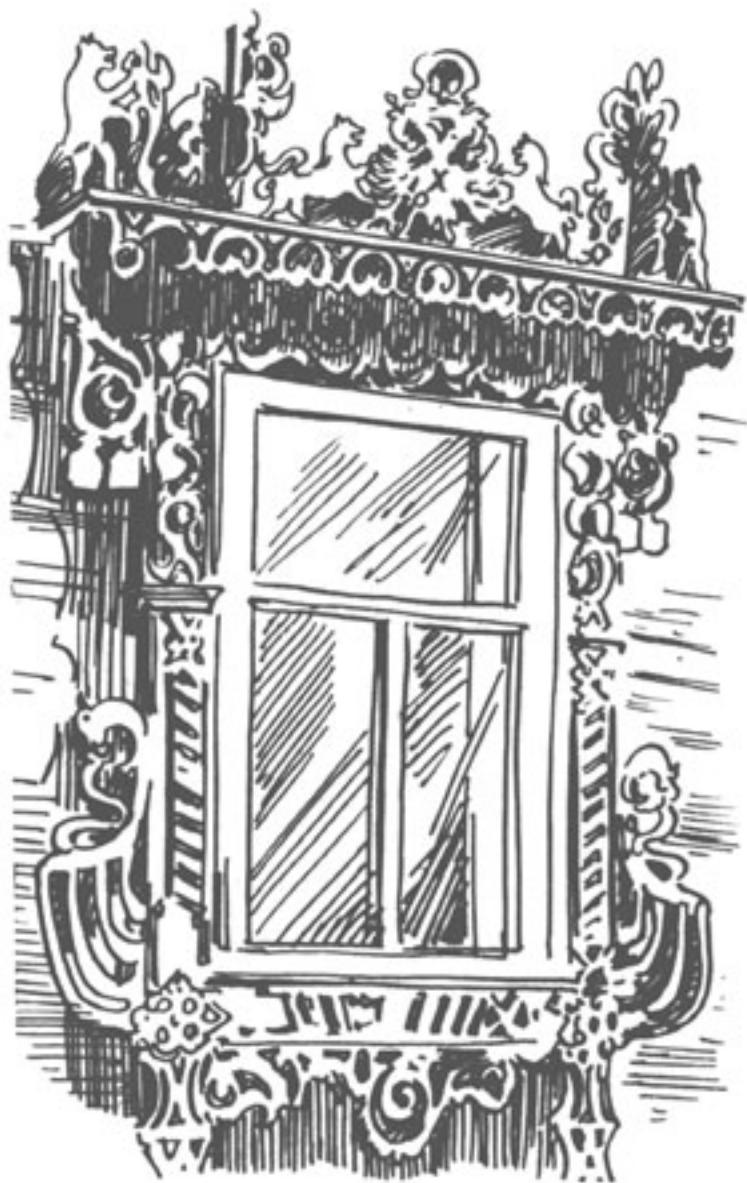
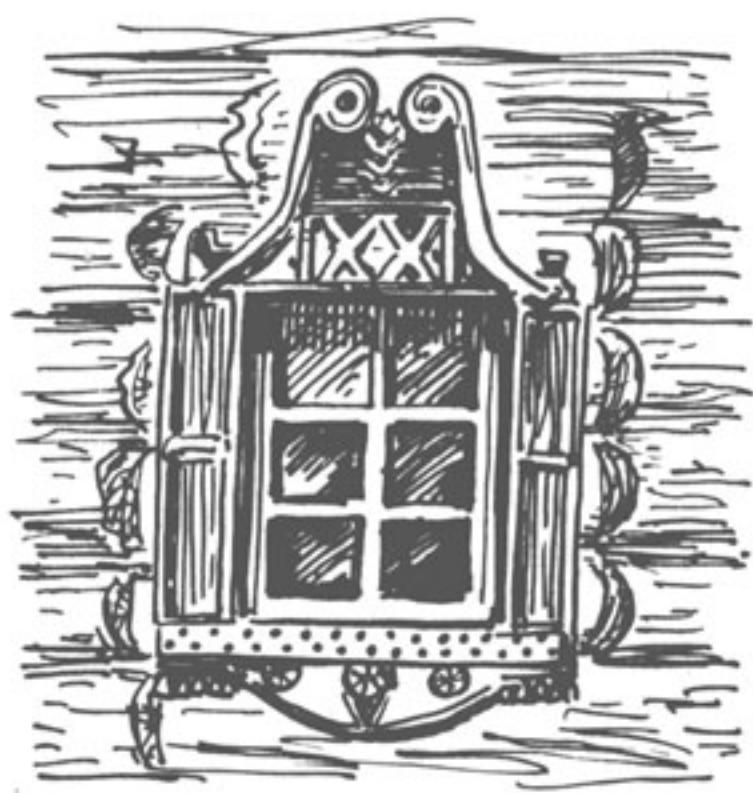
Сейчас Новгородский музей деятельно организует как бы новое свое отделение — оригинальнейший, под открытым небом Музей народной архитектуры. Он расположен в районе Юрьева монастыря, в местах, отводимых под большие парковые насаждения. Сюда с берегов Ильменя привезена и собрана знаменитая деревянная Курицкая церковь XVI в. Сюда же перевезены некоторые наиболее замечательные избы, мельницы и церкви.

Работать в Новгородском музее нельзя без увлечения. И не случайно, что многие его сотрудники, начав в нем работу, отсюда уже и не уходили.

Необходимо больше прислушиваться к голосу музейных работников. В Новгородском музее много превосходных искусствоведов и историков, но мало археологов, которые должны вести наблюдения при прокладке водопроводов, газа, присутствовать при всех земляных работах, ведущихся в черте древнего города. Ковши экскаваторов могут уничтожить культурные остатки древнего Новгорода, если рядом не работают археологи.

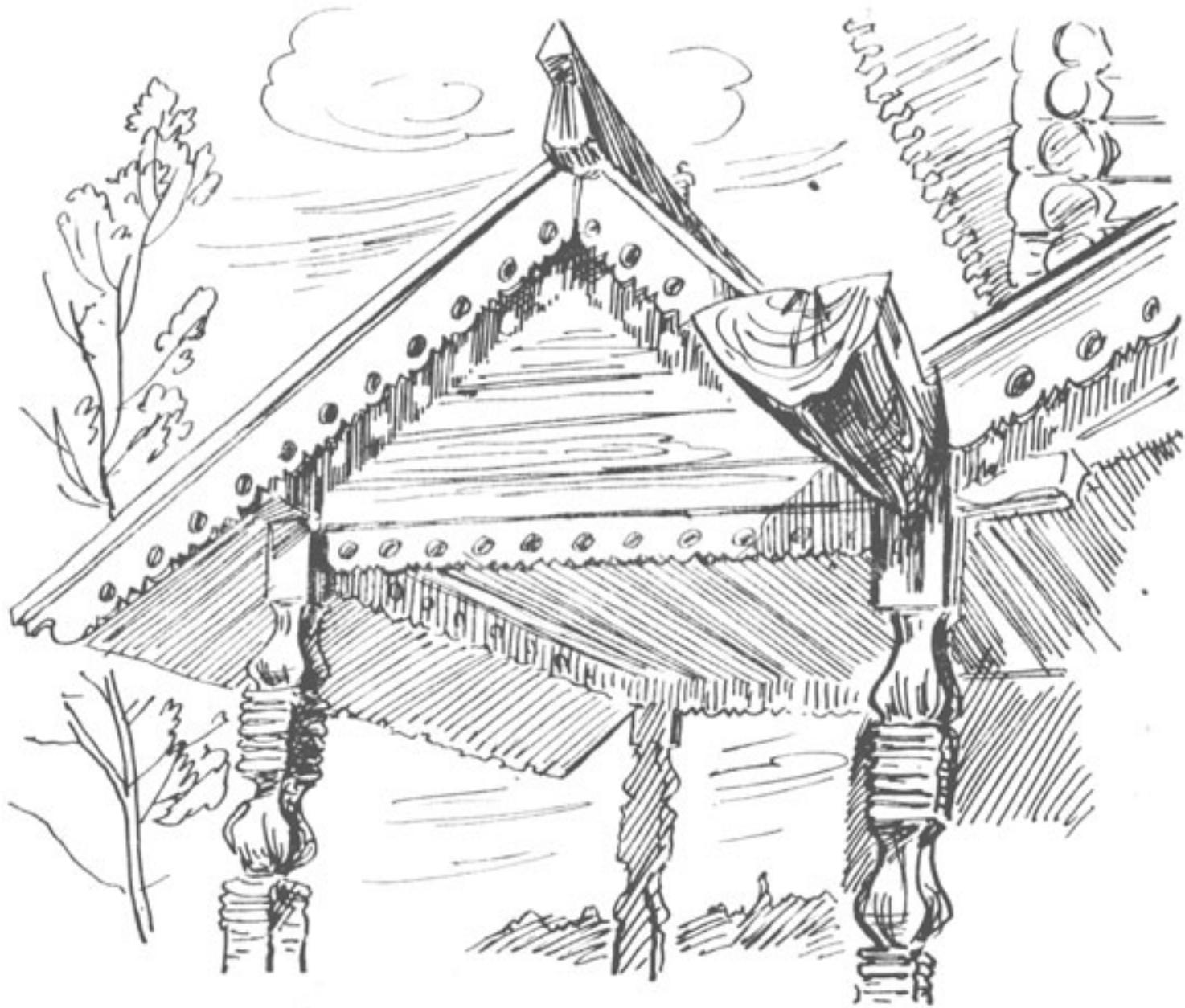

Более ста лет назад возник Новгородский музей при губернском Статистическом комитете. Его заведующий был по совместительству секретарем этого Статистического комитета. Это был музей старого типа. Архитектурные памятники Новгорода принадлежали церкви. Музей занимал одно здание Златоустовской башни кремля. Тем не менее музей имел уже в 1893 г. шесть тысяч предметов и вышел за пределы своих стен, ведя учет древностей по всему городу и по всей губернии.

За годы Советской власти музей вырос во много раз. В 1922 г. во время изъятия церковных ценностей в музей было передано около двух тысяч ценнейших произведений искусства. Сюда же поступили предметы из бывших помещичьих усадеб. Музеи Москвы и Ленинграда оказывали помощь Новгородскому музею. В 1925 г. Русский музей передал Новгороду двести картин русских художников. Был открыт новый музей — Новгородская картинная галерея, пополнявшаяся и из бывших помещичьих имений. В 1930 г. картинная галерея и музей древнерусского искусства объединились в Музей русского искусства. Перед войной в нем было свыше 140 тысяч экспонатов. Музей вел археологические исследования, раскопки и был уже по-настоящему музеем нового типа — одним из центров культурной жизни Новгорода, города, который следовало бы назвать всесоюзным историческим лекторием.

Сейчас перед Новгородским музеем встают все более сложные задачи. Найдки берестяных грамот — совершенно нового типа исторических источников — привлекают сюда новых специалистов.

Одно из самых замечательных музейно-реставрационных учреждений Новгорода — мастерская реставраторов А. П. и В. Б. Грековых. Их труд подлинно героический. Приехав в Новгород полтора десятка лет назад, они посвятили свою жизнь восстановлению погибших во время войны в результате фашистских обстрелов фресок 1380 г. церкви Спаса на Ковалеве. Трудно рассказать об их труде. Он неповторим. Из огромных завалов, образовавшихся в результате обстрелов, они извлекли десятки тысяч мелких обломков, иногда величиной с ноготь, считавшихся погибшими фресок и собрали десятки композиций. Многие из них собраны в большие рамы, сделанные для прочности фресок из титана (на все перемены температуры титан реагирует так же, как и фрески, и потому они не будут разрушаться). Труд этих мастеров-реставраторов противостоит разрушению, как мир противостоит войне, как культура противостоит варварству разрушителей. Плохо только то, что уже многие годы простые посетители Новгорода и местные жители лишены возможности ими

полюбоваться: в местных музейных помещениях не находится для них места. Два-три щита с собранными фресковыми композициями выставлены далеко за городом в сыром и неотапливаемом помещении — в Ковалеве... В Новгороде необходимо создать большой музей фресок.

Все увеличивающийся интерес молодежи к родной истории и родному искусству делает Новгород особенно притягательным центром. Сюда приезжает множество иностранцев. Развитие автомобильного туризма во много раз увеличило количество посетителей Новгорода.

Я писал уже: в этот город хочется возвращаться вновь и вновь.

Спасибо людям, сберегающим его вечную красоту! И — поможем им делать это!

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НОВГОРОДА

Мне необходимо начать с некоторых разъяснений. Прежде всего мне хотелось бы ответить на вопрос, который, я думаю, возникает у всякого по поводу такой постановки темы: «Мировое значение культуры Новгорода». Можно ли говорить о культуре одного города, одной области, отделяя эту культуру от культуры всей страны в целом? Можно ли говорить о культуре Рязани, Твери, даже Москвы, отделяя от русской культуры в целом?

Все зависит от исторического периода, о котором идет речь. Конечно, для XIX или XX в., для современности такая постановка вопроса немыслима и противозаконна. Невозможно, например, выделять культуру советского Новгорода из культуры всей страны. Мы слушаем московское радио, смотрим телевизионные передачи, читаем книги, изданные по всей нашей стране, живем культурной жизнью всей страны в целом и вносим свой вклад в единую советскую культуру. Именно это создает, как хорошо известно всем музеинм работникам, серьезные трудности в экспозиционной работе краеведческих музеев. Современные отделы не могут в них достаточно хорошо представить культуру своего края, так как для этого требовалась бы непосильная работа — представить культуру всей страны в целом.

Иное дело — период феодальной раздробленности, когда Новгород, Тверь, Рязань и другие области Руси представляли собой полусамостоятельные государства и каждая область развивала свои особенности культуры, свою письменность, свои школы в области изобразительных искусств, архитектуры, прикладных искусств и т. д.

Каждая область в период феодальной раздробленности имела свою судьбу, свою историю, влившуюся в историю Руси в качестве относительно самостоятельного целого.

Вот об этой своеобразной и относительно самостоятельной судьбе новгородской культуры и ее роли в развитии русской культуры и культуры общеевропейской я бы и хотел сказать.

* * *

Несомненно, что в X—XI вв. Новгород — важный международный центр. Это центр передвижения скандинавских дружины на юг — в Византию и Средиземноморье и на восток — в район Каспийского моря. Скандинавские дружины пытаются здесь закрепиться, овладеть властью в городе, подчинить себе население. Скандинавские саги полны рассказами о событиях в Холмгарде — Новгороде. Не будем сейчас касаться этих событий, выделять в сагах элемент исторический среди вымысла, которого очень много в них. Скажем только, что новгородское население отстояло свою независимость, свое национальное культурное обличье. И в этом его колоссальная заслуга. Нам не известно, как повернулась бы история, если бы норманнам удалось подчинить Новгород, так же как они подчинили себе Англию. Может быть, это повело бы к созданию особой нации и особого языка, как это случилось в Англии? Не будем гадать. Отметим только, что уже на заре русской истории в целом мы обязаны новгородцам тем, что мы такие, как есть, — тем, что мы русские.

Русское государство родилось в двух центрах — в Новгороде и в Киеве. Оно родилось в борьбе за свою самостоятельность. Скандинавскую по своему далекому происхождению династию Новгород свел до положения приглашаемых глав новгородского войска. Уже с 1137 г. мы можем говорить о Новгородской республике — республике, независимой от Киева и северо-восточных, владимиро-суздальских княжеств. Это борьба Новгорода за независимость достигалась не только военными, сколько дипломатическими усилиями. И мы опять-таки должны быть благодарны Новгороду за эти его устремления к обособлению — политическому и культурному.

С легкой руки Б. Д. Грекова в советской исторической науке родилась идеализация прогрессивного характера процесса государственной централизации. Дробление Руси на отдельные княжества рассматривалось в концепции Б. Д. Грекова, ставшей на некоторое время концепцией всей советской историографии, только как явление отрицательное. Между тем дело обстояло гораздо сложнее. В процессе дробления были свои отрицательные, но были и свои положительные стороны.

Одна из положительных сторон новгородской самостоятельности состояла в том, что Новгород явился благодаря такой самостоятельности важным центром обороны Русской земли, — он мог мобильно организовывать сопротивление агрессии и с востока, и с запада самостоятельными средствами.

И здесь прежде всего необходимо сказать об обороне Новгородом западных и северо-западных границ Русской земли.

Борьба Новгорода с ливонскими рыцарями, со Швецией, Норвегией и Данией за свою самостоятельность имела значение не только для Руси, для русского народа. Всякая народность обогащает своим национальным вкладом мировую культуру. Поэтому сохранение народом своей политической и национальной самостоятельности имеет не только узконациональное, но и мировое значение.

Мировое значение имеет и то, как народ втягивает другие народы в свое политическое влияние: сопровождается ли это втягивание уничтожением культурной самостоятельности, языка; создаются ли отношения неравенства между народами или отношения равенства и относительной свободы.

Роль Новгорода в отношении народов Восточной Прибалтики, и в первую очередь эстов и карелов, отмечена чертами национальной терпимости и союзничества. В союз русских племен, совместно выступавших в X—XI вв., входили и эсты (чудь), и восточно-угро-финские народы — меря, ижора, вость, весь. Представители некоторых из этих племен участвовали в совместных походах Руси на Царьград — в походах Олега и Игоря. Эстонцы в числе послов заключили с греками мир 944 года. Вельможи этих племен строили дворы в Киеве и Новгороде. Достаточно сказать, что древнейшие памятники финского языка найдены сейчас на территории Новгорода: это известные карельские берестяные грамоты.

Несмотря на отдельные походы в земли еми, в Новгороде представители этого народа могли подниматься до роли государственных деятелей — тысяцких (например, Семен Емин, избранный тысяцким в 1218 г.). Не случайно карелы неоднократно обращались к Новгороду за помощью в борьбе против шведов. Вместе с тем Новгород способствовал распространению в среде карелов более высокой для них феодальной культуры, совершенствованию земледелия, развитию торговли, о чем можно судить по многочисленной технической и торговой терминологии, вошедшей в язык карелов.

Власть Новгорода в карельских землях хотя и сопровождалась сбором дани, но не устанавливалась в этих землях режима военной оккупации и не сопровождалась ни массовой колонизацией, ни насильственной христианизацией. Отношение новгородцев и карелов не походило на отношения победителей и побежденных. Карелы были такими же подданными Господина Великого Новгорода, как и все прочее его население. Новгородское владычество не затормозило этнического развития отдельных народов, входивших в состав Новгородской республики.

Новгородцы на долгие годы сумели удержать русские границы на севере и северо-западе по реке Нарове и севернее Невы. Новгородское легендарное произведение «Рукописание Магнуса, короля Свейского» так подводит итог завоевательной политике

шведов от имени самого Магнуса: «Не наступите на Русь... зань же нам не пособляется... а хто наступит, на того бог, и огонь, и вода».

* * *

Но особенно велико значение Новгорода для сохранения русской культуры в годы монголо-татарского ига.

Значение Новгорода не ограничивается тем, что новгородские леса и болота, равно как и сохраненные Новгородом военные силы, остановили дальнейшее продвижение монголо-татарской конницы, предотвратив полное завоевание Руси и воспрепятствовав дальнейшему завоеванию европейского северо-востока.

Культурное значение Новгорода не меньше, чем оборонно-военное. Культурные центры Новгорода и его «пригорода» Пскова не были разрушены, культурные ценности были сохранены, традиции Киевской Руси продолжали здесь свое развитие и в XIII, и в XIV вв.

Новгород сохранил в неприкосновенности основу основ всякой национальной культуры — свои книжные богатства. Без книг не может быть национальной традиции не только в области литературы, науки, образованности, но, по существу, и в области искусств. Архитектура, живопись молчат там, где нет книжной культуры. Сюжеты кажутся необъясненными, если нет той умственной культуры, которую единственно сохраняют книги.

Пожары, связанные с монголо-татарским нашествием и игом, уничтожили в Киеве, во Владимире и в других городах тысячи книг, уменьшился и слой грамотных людей, переписчиков книг. Но Новгород и Псков оказались незатронутыми этим непосредственным уничтожением книжных богатств. В XVI и XVII вв. Новгород снабжал Москву книгами. Многие лучшие произведения русской литературы XI — начала XIII в. дошли до нас в новгородско-псковской традиции. Новгородским или псковским был по своему происхождению и погибший в пожаре 1812 г. список «Слова о полку Игореве».

Литературная традиция и литературное умение Новгорода было в русском государстве XIV — XVI вв. одним из самых важных при восстановлении русской культуры, при ее возрождении после страшного монголо-татарского ига. Сохранение Новгородом русской культуры имело огромнейшее, мировое значение.

Русь явилась мощным заслоном Европы от монголо-татарского нашествия не только тем, что она измотала монголо-татарские силы, остановила орды завоевателей и не допустила проникновения их далее границ Венгрии и Польши. Даже если бы Русь не была завоевана, но сама утратила бы свою европейскую культуру и превратилась в восточную деспотию с восточной культурой, это представило бы для Европы не меньшую опасность, чем непосредственное соседство с ордами Чингисхана и Батыя.

Новгород отстоял свою самобытную культуру и от восточных орд, и от орд ливонских рыцарей. Последнее также было чрезвы-

чайно важно, ибо только своя, исторически сложившаяся культура способна сопротивляться влияниям извне, играть важную роль в развитии мировой культуры.

Благодаря Новгороду и Пскову Русь смогла стать не только военным, но и культурным барьером между Европой и Востоком, сохранив при этом свой европейский характер.

В формировании русской культуры особое значение имеет период конца XIV — первой половины XV в. Это эпоха, которую я называю эпохой Предвозрождения, или Проторенессанса, в России. Благодаря тому что Новгород счастливо избег монголо-татарского разгрома, он смог стать во главе культурного подъема XIV в. Ему удалось поднять не обрывавшуюся здесь культурную традицию, закрепить тесные связи с Византией и Западом.

Как известно, Россия не знала Возрождения. Были только отдельные явления Возрождения, отдельные проникновения на Русь западноевропейской возрожденческой культуры, античного наследия в памятниках древнерусской письменности и живописи. Однако если в полной мере невозможно говорить об эпохе Возрождения на Руси, то об эпохе Предвозрождения на Руси говорить можно и должно.

В чем отличие Предвозрождения от Возрождения? Отличие прежде всего в том, что в недрах одного развивающегося движения Предвозрождение и Возрождение занимают разные исторические ступени: Предвозрождение — это только начало того движения, которое, созрев, дало в дальнейшем Возрождение, это первая ступень, еще не освобожденная от господства религии. Понятно, что Предвозрождение не могло охватить всю духовную культуру в ее наивысших проявлениях без кардинальной ломки самого отношения духовной культуры к религии. Но в этом движении Предвозрождения были заложены уже все те явления духовной культуры, которые при благоприятных обстоятельствах должны были бы привести к Возрождению.

Определить эти явления предвозрожденческой культуры кратко невозможно. Они могут быть вскрыты лишь типологической характеристикой всей культуры Предвозрождения. Я попытался это сделать в небольшой книге «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (М. — Л., 1962).

Что же представляла собой эпоха Предвозрождения на Западе? В пределах религиозного сознания культура XIV в. движется к человеку, к его более реалистическому изображению, она в большей мере отражает его интересы, становится человечнее во всех отношениях. Искусство психологизируется. Само христианство, в известной мере рассудочное и схоластическое в предшествующие века, получает новую опору в эмоциональных переживаниях личности.

Повышенный интерес к человеческой личности, к ее психологии, первые проблески эмпирического наблюдения природы были

особенно благоприятны для сопутствующего им интереса и ко всему национальному. Поэтому сложение элементов национальных культур во всей Европе было тесно связано с культурными явлениями, предвещавшими блестящую эпоху Возрождения. Обращение к античности, воспринимавшейся и в Византии, и в Италии как национальное прошлое, было также характерно для XIV в.

Почти с теми же явлениями мы встречаемся в конце XIV — начале XV в. и в России. Это и понятно. Во второй половине XIV в. и в начале XV в. в России сложились благоприятные условия для развития предвозрожденческих движений. К этим благоприятным условиям мы сможем отнести экономический подъем русских городов, особенно городов-коммун Новгорода и Пскова, развитие ремесел, торговли.

Русская культура в конце XIV и первой половине XV в. вступает в усиленное общение с Византией и южнославянскими странами. В южнославянские страны вывозится много русских рукописей, переписываются многие русские сочинения. С другой стороны, из Византии и южнославянских стран приезжают мастера-живописцы, строители и писатели. Россия становится одним из важных центров движения Предвозрождения на востоке Европы. Величайшими представителями этого предвозрожденческого движения явились Андрей Рублев, писатель Епифаний Премудрый и новый центр образованности — Троице-Сергиев монастырь.

Но особая роль в предвозрожденческом движении, связавшем Русь обоюдосторонними связями с Византией, Сербией, Болгарией, Молдаво-Валахией и другими странами, принадлежит Новгороду.

Предпосылки, которые делали возможным Предвозрождение в Новгороде, следующие:

1. Как известно, развитие Возрождения связано с городами-коммунами. Новгородская республика по своему типу была как раз таким городом-коммуной.

2. Новгород в это время быстро развивался экономически. И, как теперь ясно, усиленно развивались ремесла.

3. Новгород в это время не был отъединен от остальной Европы и особенно тесно общался с Византией и южнославянскими странами.

Возрождение не смогло полностью развиваться ни в Новгороде, ни в остальной России. Этому помешали и упадок Византии, и отсутствие таких корней, как античные на Западе, и ускоренное развитие централизованного государства, отнимавшее народные силы, отвлекавшее эти народные силы от решения задач культуры. Однако первый, предварительный этап развития Возрождения, который мы условно называем Предвозрождением, проявился в Новгороде замечательными произведениями живописи и движением ересей.

Сейчас уже невозможно изучать европейский Проторенессанс, игнорируя Новгород, ограничиваясь явлениями только Западной и Южной Европы. Общеевропейский характер новгородской культуры сказался в эту эпоху (в конце XIV — начале XV в.) с наибольшей силой, и в этом один из самых значительных моментов мирового значения новгородской культуры.

Связь Новгорода с Византией, Болгарией, Сербией, монастырями Афона и др. может быть продемонстрирована на множестве фактов. Кратко перечислю лишь важнейшие явления.

Новгород с конца XIV в. устанавливает тесные взаимоотношения с Константинополем. В Новгороде создаются своеобразные путеводители по Константинополю, описания его ценностей — религиозных и светских. Эти описания показывают в их авторах новгородцах подлинных знатоков и ценителей искусств. В Новгород приезжают византийские мастера. Мы знаем из летописей о греке Исае, расписавшем «с други» в 1338 г. церковь Входа в Иерусалим в Новгороде. В 1378 г. в Новгороде работает знаменитый сейчас на весь мир мастер Феофан Грек. Его творения — росписи церкви Спаса на Ильине частично сохранились и являются одной из величайших мировых ценностей. Значение фресок в Спасе на Ильине определяется не только их совершенством, не только тем, что они составляют мост между искусством Новгорода и Византии, поскольку принадлежат кисти византийского мастера; они являются единственно достоверными произведениями этого гениального мастера, исходя из особенностей которых и Игорь Грабарь, и другие искусствоведы ведут атрибуцию всех его остальных произведений.

Чрезвычайно существенно, что, помимо византийских, в русской живописи оказались и воздействия непосредственно южнославянские, в первую очередь сербские. Сербская живопись XIV в. была охвачена тем же Предвозрождением, но в ней могут быть отмечены также сильные национальные и местные черты. Некоторые из них, бесспорно, оказались на отдельных русских памятниках XIV в. Сербская школа живописи переживает во второй половине XIV в. пору своего расцвета. Она оказывает воздействие на Афон, на Болгию.

В России сербское влияние с несомненностью установлено для Новгорода — в росписях церкви Спаса на Ковалеве (1380 г.). Целый цикл росписей принадлежит, несомненно, новгородским мастерам и несколько не уступает прославленным произведениям Феофана Грека. Особое значение имели погибшие во время войны фрески Волотова. Они ярче всего свидетельствовали о высоте самобытного новгородского искусства, о том, что движение Предвозрождения не было в Новгороде наносным, а опиралось на многовековые русские традиции и было глубочайшими корнями связано с духовной жизнью новгородского общества.

Фрески Волотова насыщены идеями Предвозрождения. Мастеров волотовских фресок волновали сюжеты, в которых божество

являлось людям и в которых изображаются переживания личности. Именно так трактуются ими сцены библейских событий. Религиозные переживания людей были здесь представлены с потрясающей экспрессией.

Историко-художественное значение новгородских фресок XIV века огромно. Без них мы никогда не могли бы выявить ни размеров, ни самой сути движения Предвозрождения в русской живописи этого времени.

Одной иконописи или одних псковских фресок XIV в. (в Мелетове и в Снетогорском монастыре) было бы недостаточно. Если рассматривать новгородские фрески XIV в. и новгородские иконы XIV и XV вв. как памятники мирового искусства, то надо сказать — и это признано сейчас всеми, — что они входят в число лучших творений человеческого гения. Они принадлежат не только русскому искусству, но и мировому, близки к произведениям живописи не только Византии, но и Италии.

Движение Предвозрождения в Новгороде сказалось здесь во всех областях культуры. Это было широчайшее умственное движение, захватившее литературу и общественную мысль.

В Новгороде уже готова была образоваться типичная для эпохи Возрождения письменность с ее светскими занимательными сюжетами, любовными темами. Элементы фаблио есть в «Сказаниях о новгородском архиепископе Иоанне», которого различными путями соблазнял бес. Элементы фаблио сохранились в новгородской былине о купце Терентьище. Зачатки городской новеллы имеются и в новгородской части «Домостроя».

* * *

Даже после падения новгородской независимости, в XVI и XVII вв., Новгород продолжает сохранять свое значение культурного центра, центра сбереженных во время монголо-татарского ига сокровищ искусства и книжности. Из Новгорода вывозятся старые иконы, украшающие отныне кремлевские соборы, и вплоть до конца XVII в. — книги.

Чтобы показать значение и размеры сохранных в Новгороде и «пригороде» Пскове книжных богатств, напомню лишь об одном факте. Во второй половине XVII в. в Москве лучшей ученой библиотекой следует признать библиотеку Московской типографии. Типография была не только типографией в нашем смысле этого слова и не только издательством, но и учреждением, где исправлялся и готовился к изданию текст книги. В этом учреждении для нужд ученых-справщиков и была собрана разноязычная и богатая библиотека. Большинство пергаменных рукописных книг этой библиотеки новгородско-псковского происхождения. Когда во второй половине XVII в. составлялась эта библиотека, с запросами на старые книги обращались именно в Новгород и Псков. Как пишет исследователь этого вопроса А. А. Покровский, «в Москве и тогда хорошо знали, что за стариной следует

обращаться в Псков и Новгород; эти города уже тогда были сознаваемы носителями начал древности, хранителями старорусской культуры и письменности».

* * *

Славное прошлое Новгорода продолжает сохранять свое значение и в конце XVIII, и в XIX в.

Прошлое Новгорода на протяжении целого столетия, начиная с конца XVIII в., было одним из самых притягательных центров русской революционной мысли. В новгородском прошлом русская революционная мысль искала надежду на будущее, противопоставляя демократический Новгород самодержавию. А. Радищев писал: «Новгород имел народное правление... Народ в собрании своем на вече был истинный государь... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о делах общественных».

С особенной любовью обращались к вечевому прошлому Новгорода декабристы. О Новгородской вечевой республике писали К. Рылеев, А. Бестужев, В. Раевский, М. Лунин, В. Кюхельбекер, А. Одоевский и др. С увлечением изучал историю Новгорода П. Пестель. Вечевой строй Новгорода нашел отражение в конституционных проектах и политической терминологии декабристов. Декабристы героизировали и идеализировали прошлое Новгорода, допускали переоценку его общественного строя. Но этим самым не умаляется значение прошлого Новгорода в истории русской революционной мысли.

М. Ю. Лермонтов разделял декабристские представления о новгородском вече. Возвращаясь в 1832 г. в Петербург через Новгород, он посвятил ему вдохновенные строки:

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришел из чужды стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И столько гордых душ увлек в своем паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

В. Белинский, так же как и декабристы, видел в новгородском прошлом отражение черт национального характера русского человека: его любовь к свободе, самоотверженность, удаль. Но в отличие от декабристов Белинский обращается в поисках этих национальных черт прежде всего к новгородской народной поэзии. Он пишет: «Новгород можно смело назвать гнездом русской удали, и теперь составляющей отличительную черту харак-

тера русского народа... В грезах народной фантазии оказываются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства... И эта отвага, это удальство и молодечество, особливо в новгородских поэмах (былинах. — Д. Л.), являются в таких широких размерах, в такой несокрушимой исполинской силе, что перед ними невольно преклоняешься».

Когда в XIX в. началось научное изучение Новгорода и на смену поэтическому восприятию новгородской старины пришли точные данные истории, значение Новгорода в общественной мысли поднялось и расширилось. Богатый материал, добытый исследователями новгородского зодчества, живописи, ремесла, письменности, в значительной мере перевернул представление об отсталости древнерусской культуры. Эта отсталость оказалась совсем иной, чем ее представляли до тех пор: она охватывала только некоторые области жизни и образованности, но не касалась искусства. Прошлое Новгорода в XIX и XX вв. сослужило патриотическую службу, показав высоту древнерусского искусства, особенно живописи, зодчества и ремесел.

Современные раскопки в Новгороде привлекают внимание повсюду. Изучением добытых Новгородской археологической экспедицией берестяных грамот занимаются исследователи во всем мире. Давно забыты первые сомнения в подлинности писем и документов на бересте. Сейчас грамоты разрушили представления о русском средневековье как о времени сплошной неграмотности.

Не случайно, что среди русских икон, хранящихся в музеях мира, наиболее почетное место уделено иконам новгородским. Это можно сказать о собраниях русских икон в специальном музее русских икон в Реклингаузене (ФРГ), в отделах русских икон в музеях Стокгольма, Бергена, Осло, Берлина и др. Даже третьестепенные произведения новгородской иконописи вызывают восхищение посетителей зарубежных музеев.

* * *

Для всего мира Новгород — это блестательный центр мировой культуры, не менее важный, чем многие города Италии. Это один из центров Проторенессанса, центра прославленной живописи и архитектуры. Его значение в том, что он оберегал Русь не только в военном отношении, но в еще большей мере в отношении культурном: от растворения в культурах Востока и Запада.

Он был центром живописи и книжности, значительнейшим центром летописания. Он весь связан с русской историей — от самых ее истоков и до последнего времени. Он был символом вольности для декабристов и символом высоты русского искусства для всего XIX и начала XX в.

Это мировое значение культуры Новгорода нас ко многому обязывает. Оно обязывает нас прежде всего бережно беречь

в Новгороде старину. Оно обязывает бережно беречь самый архитектурный ландшафт города, не застраивать город постройками, которые способны подавить старые здания, разрушить общее впечатление от Новгорода, создаваемое его водными просторами и просторами знаменитого Красного Поля.

Новый Новгород не должен конкурировать со старым. Новое и старое не должны быть враждебны друг другу, поэтому развитие Новгорода не должно сосредоточиваться в центре, а должно сообразовываться с самими географическими условиями — вниз по течению Волхова. Ведь исторически Новгород так и развивался. Новый город, несомненно, противостоял старому Городищу. Городищем в Древней Руси, как и сейчас, называлось место покинутого города. Уже в XII в. в летописях мы встречаем термин «городище». Следовательно, уже в XI в. Новгород отступал от Ильменя, «двигался» вниз по течению. Мы должны сохранить Новгород, так же как древний Новгород сохранил Городище.

Но этого мало. Новгород должен стать одним из центров исторического образования, каким он и является сейчас стихийно.

И наконец, в нем должна быть и развиваться основа основ всякой культуры — обширная научная библиотека с правом получения обязательного экземпляра по всем гуманитарным дисциплинам.

Новгород должен стать одним из центров русской культуры, центром изучения древнерусской культуры, и его облик должен сохранять свой исторический характер, как сохраняют его крупнейшие исторические центры Италии, Англии, Германии, Франции. Это наш патриотический долг.

* * *

Выше мы много говорили о Новгороде и о его мировом значении. Но удивительно богата история и культура многих и многих русских городов. Вспомните о Владимире, Суздале, Ростове Великом, Ярославле, Переяславле, Угличе, Пскове, Калинине (Твери), Горьком (Нижнем Новгороде), Рязани, Вологде, Муроме и т. д., и т. д., не говоря уже о Москве! А сколько бедных и дорогих маленьких городов и сел — Старица, Торжок, Каргополь, Великий Устюг — их сотни. Это наше огромное богатство, беречь которое и гордиться которым мы обязаны.